

авантюрная
мелодрама

АНТОН ЛЕОНТЬЕВ

ЗОЛОТАЯ КЛЕТКА
ДЛЯ СИНЕЙ ПТИЦЫ

ОН ДОСТИГ ВСЕГО. ЧЕГО ЖЕЛАЛ. ИЛИ ЭТО ЛИШЬ ИЛЛЮЗИЯ?..

Антон Леонтьев

Золотая клетка для синей птицы

«ЭКСМО»

2004

Леонтьев А. В.

Золотая клетка для синей птицы / А. В. Леонтьев — «Эксмо», 2004

Расследование гибели владельца медиахолдинга Владимира Стаховского, которое его жена Кристина поручила журналистке Светлане Ухтоминой, добавило много черных красок старательно созданному образу честного бизнесмена и примерного семьянина. Оказалось, у Стаховского имеются любовница и незаконнорожденный сын, которым досталась немалая доля наследства, а в юности он был замешан в преступлении. Сына, которого Стаховский никогда не видел, ищет детективное агентство, а любовница погибает, не успев рассказать Светлане нечто важное. Догадываясь, что разгадку гибели медиамагната надо искать в его прошлом, Светлана едет на родину Стаховского, в маленький уральский городок. И сразу понимает: юный Владимир оставил там о себе весьма недобрую память...

© Леонтьев А. В., 2004

© Эксмо, 2004

АНТОН ЛЕОНТЬЕВ

Золотая клетка для синей птицы

Декабрь подходил к концу, а вместе с ним заканчивался и этот тяжелый год. Владимир Стаховский взглянул в окно лимузина, который вез его в аэропорт. Сегодня ему предстоит серьезная и важная встреча. Возможно, самая важная за всю его журналистскую карьеру.

Однако он уже давно не был просто журналистом, ему принадлежала огромная медиа-империя, в которую входили телеканал, несколько газет и журналов, радиостанция... Ему было почти пятьдесят, он вполне может гордиться собой. Его жизнь казалась многим воплощением сказки.

Владимир задумался, глядя на заснеженный пейзаж Москвы, который проносился за окном машины. Кто бы мог подумать, что он достигнет таких высот! Он сам создал свою империю, сам проложил себе дорогу наверх...

Стаховский взглянул на часы. Половина двенадцатого дня. Ну что ж, он вполне пунктуален. Человек, с которым он должен встретиться, передаст ему ценные сведения и, кроме того, документы, подтверждающие эту информацию. Владимир не собирался ограничиться одним интервью, это будет сенсационная телевизионная эпопея с разоблачением ужасных махинаций и заговора, во главе которых стоял Константин Деканозов.

Разговор, точнее небольшое интервью, будет записан на пленку, его дадут в эфир в ближайшем выпуске криминального ток-шоу. И тогда тот, кого оно напрямую затрагивает, не сможет отрицать очевидное. Эта программа произведет подлинный фурор.

Но эта сенсация вместе с тем смертельно опасна. Владимиру уже не раз угрожали. Неизвестные, а подчас и известные лица обещали уничтожить его. Он относился к угрозам достаточно серьезно, но никогда не ставил их выше своей журналистской карьеры. Если бы он боялся, то в жизни не смог бы достичь того, чего достиг...

Владимир улыбнулся. Да, теперь никто не узнает всю правду о нем, Владимире Стаховском, чертовски удачливом журналисте и медиа-магнате. Слава богу, таких людей уже не существует. Все, кто мог рассказать о нем истину, давно мертвы. Он позаботился об этом. Теперь он сам разоблачает других.

Стаховский раскрыл папку, которая лежала на кожаном сиденье лимузина рядом с ним. Итак, Константин Константинович Деканозов, наверное, самый влиятельный бизнесмен в российской фармакологической и химической индустрии. Владимир посмотрел на его фотографию. «Константин Константинович, недолго вам осталось ухмыляться и поражать всех своим богатством. Скоро вы потерпите полный крах».

Лимузин замедлял ход, они подъезжали к аэропорту. Владимиру не первый раз приходилось разрушать чью-то карьеру, однако Деканозов был воистину могущественный противник. Он, по слухам, один из самых богатых людей новой России, сосредоточил в своих руках большую часть производства лекарств и оккупировал рынок химических товаров. Деканозов любил находиться в центре внимания. Его эксцентрические выходки были известны всей стране, о них говорили за рубежом. То Деканозов устраивает на яхте в Балтийском море дикие оргии, то по случаю собственного дня рождения приглашает в Москву Элтона Джона, то оплачивает фейерверк в четверть миллиона долларов... Чего стоят его шикарные особняки, заставленные раритетным антиквариатом, его очередная жена, еще моложе и вульгарнее предыдущих, его коллекция картин, арабские скакуны. Деканозов, выросший в жуткой бедности, казалось, никак не может насытиться своим богатством.

Он представлял собой именно тот тип людей, который Владимир ненавидел более всего. Стаховскому доставит удовольствие уничтожить Деканозова. Всего несколько дней – и тому придет конец. Если человек, с которым Владимир сейчас встретится, не откажется рассказать

правду о Деканозове, то ее вскоре узнает вся страна. Тогда власти уже никак не смогут закрыть глаза на вопиющие факты.

Лимузин остановился, дверь распахнулась. Стаховский вышел на морозный воздух. Высокий, статный, чуть седоватый, с импозантной бородкой, он производил впечатление человека, которому можно доверять. Именно поэтому его программа «Разговор с Владимиром» и была самой рейтинговой на телевидении в середине девяностых. Однако, когда появилась возможность заняться настоящим бизнесом, Стаховский без сожаления оставил эфир. Он всегда хотел стать не только знаменитым, но и богатым. Он в чем-то мог понять Деканозова – деньги давали власть над людьми, они открывали все двери. Стаховский и близко не был таким богатым, как Константин Деканозов, однако он мог считать себя вполне обеспеченным человеком. Его детище, канал «Новое телевидение», являлся одним из самых популярных в стране. Более того, Стаховскому доверяли, на него ссылались. Он стал голосом современной России.

Много раз ему делали заманчивые предложения о продаже канала как зарубежные, так и отечественные дельцы. Тот же Деканозов был совсем не прочь заняться телевидением. Но Стаховский всегда отвечал отказом, хотя суммы были весьма внушительные. Он мог бы роскошно жить только на одни проценты с тех денег, которые ему предлагали потенциальные покупатели. Ну что ж, он рад, что его талант, вложенный в телевидение и средства массовой информации, так высоко ценится. Владимир не собирается продавать свою медиа-империю. Она ему еще пригодится.

Стаховский давно заметил, что ему доставляет удовольствие распоряжаться судьбами людей. Те, кто хотел узнать самые потрясающие тайны политики или частной жизни знаменитостей, те, кто предпочитал глубокий анализ событий и небывалые разоблачения, смотрели его «Новое телевидение».

Предстоящее интервью и все, что за ним последует, произведут эффект разорвавшейся бомбы. Деканозов, несмотря на постоянный шум СМИ вокруг него, был одним из самых закрытых бизнесменов в стране. Да, каждый знал, что краны в кухне и ванной на его вилле из золота, а пол в одной из комнат выложен монетами, однако никто не догадывался о том, каким именно образом делает деньги Константин Константинович. Стаховский уже в течение нескольких лет пытался приподнять завесу тотальной секретности вокруг фармацевтического короля. Два года назад именно с подачи «Нового телевидения» разгорелся скандал вокруг производимого Деканозовым инсулина. Столь необходимое миллионам людей лекарство было крайне низкого качества и послужило в нескольких случаях причиной смерти пациентов. Деканозов, который никогда не скрывал, что стремится к прибыли любыми путями, хотел утаить эти факты от общественности, но Стаховский не позволил ему сделать это.

Работа одной из фабрик концерна Деканозова была остановлена, предприниматель заплатил огромный штраф и компенсации родственникам скончавшихся. Однако хуже всего то, что сорвалась намеченная сделка с швейцарским фармакологическим концерном, который тотчас отказался от заключения договора о сотрудничестве с Деканозовым.

Владимир знал, что Константин буквально скрежетал зубами от ярости, узнав о том, что швейцарцы дали задний ход. Виновником упущенной выгоды он с полным основанием считал Владимира Стаховского. Когда они через пару месяцев после инсулинового скандала столкнулись на одном из приемов, Деканозов, всегда импульсивный и чрезвычайно злопамятный, едва не затеял драку. Владимир помнил последние слова олигарха, которые тот прошипел ему вслед: «Смотри, как бы твои расследования не вышли тебе боком, журналистик!»

Стаховскому было не привыкать к угрозам в собственный адрес. Его грозились убить с регулярностью в полгода. В последнее время, когда он отошел от активной журналистской деятельности и сосредоточился на руководстве принадлежавшими ему средствами массовой информации, угрозы практически прекратились. Владимир сам постепенно превратился в того, кто был ранее объектом его расследований, – богатого и влиятельного бизнесмена.

– Владимир Сергеевич, он здесь, – сказал один из сопровождавших Стаховского охранников. После угроз Деканозова Владимир не пожалел денег и первый раз в своей жизни нанял профессиональных телохранителей.

– Великолепно, – произнес Стаховский. – Скажите, что я присоединюсь к нему через десять минут, мне необходимо сделать несколько звонков...

И, достав мобильный телефон, он отвернулся.

– Дорогая Кристина, как я рада, что ты посетила меня, – произнесла грудным голосом Эльвира Долимбарова. – Мы же не виделись с тобой никак не меньше пяти или шести лет...

– Ты права, Эля, – ответила Кристина Стаховская. – Почти шесть минуло с момента нашей мимолетной встречи в американском отеле.

– Боже мой, как быстро летит время, – сказала Эльвира, возведя к небу руки с унижанными перстнями пальцами с кроваво-красными ногтями. – И мы, увы, не становимся моложе...

Кристина едва сдержала улыбку. Поразительно, но Эльвира, которой было никак не меньше сорока пяти, с каждым прожитым годом не только не старела, а, наоборот, молодела. За те шесть лет, что прошли с момента их последней встречи, Долимбарова из полноватой особы тридцати с лишним лет превратилась в тонкую, изящную женщину с лучистыми глазами и небывало гладкой кожей. Кристина понимала – ни о каком чуде или течении времени вспять нет и речи, Эльвира прибегла к опробованному и почти всегда приносящему положительный результат средству – пластическим операциям.

Однако голос Эльвиры, который помог ей в начале восьмидесятых получить звание народной артистки Советского Союза, остался прежним – завораживающим, мелодичным, сводящим с ума. После распада СССР Долимбарова жила в Казахстане, предпочтя остаться звездой первой величины на своей родине, чем оказаться «одной из...» в России.

Эльвира какое-то время даже была министром культуры, однако потом целиком посвятила себя единственному занятию – шоу-бизнесу. Кристина знала Эльвиру уже давно. В те годы Долимбарова, еще никому не известная молодая казашка, прибывшая в Москву в надежде заработать немного денег при помощи своего уникального голоса, жила почти год в общежитии, рядом с домом Кристины и ее родителей. Кристина, которой тогда было тринадцать или четырнадцать лет, сдружилась с Эльвирой и с восторгом следила за ее звездной карьерой. Эльвира никогда не отворачивалась от тех, кто знал ее до того, как она стала знаменитой.

– Ну что же, моя милая, я вижу, ты тоже добилась многого в этой жизни, – протянула Эльвира. – Ты ведь замужем за одним из самых удачливых журналистов России, который к тому же занялся бизнесом.

– Да, я вместе с Владимиром уже почти девять лет, – сказала Кристина, высокая брюнетка с волевым подбородком и удивительно синими глазами.

– А вот я разочаровалась в мужчинах своего возраста, – вздохнула Эльвира. – Наверное, во мне проснулся так и не реализованный материнский инстинкт, Кристиночка.

Стаховская снова сдержала улыбку. О том, что каждый последующий супруг Долимбаровой был как минимум на десять лет моложе предыдущего, было всем хорошо известно. Около года назад Эльвира вышла замуж в очередной, то ли четвертый, то ли пятый, раз за молодого человека двадцати четырех лет от роду, который работал секретарем в ее офисе. Кристина была представлена юному супругу час назад и нашла его чересчур смазливым и хитрым.

Эльвира прибыла в Москву с несколькими концертами, невзирая на то, что давно объявила: с сольными выступлениями покончено. Она занималась продюсированием новых исполнителей и контролировала шоу-бизнес в Казахстане. Кто бы мог подумать, что в хрупких ручках миниатюрной Эльвиры находились почти все нити поп-предпринимательства этой страны.

– Я так скучаю по московской публике, – вздохнула Эльвира. – Поэтому, подумав, я решила сделать моим поклонникам подарок к Рождеству и Новому году.

Кристина знала – Долимбарова, которая когда-то считала каждую копейку и отказывала себе во всем, получит за несколько выступлений в столице никак не меньше двухсот тысяч долларов. Эльвира любила деньги и никогда не скрывала этого. Скорее всего, именно огромный гонорар и заставил ее согласиться на концерты в Москве.

– Как же это прекрасно – встретиться со старыми друзьями, – сказала Эльвира. – Алла с Филиппом встретили меня просто по-царски... Ты ведь помнишь, дорогая, обо мне и Пугачевой когда-то говорили, что мы едва здороваемся и ревностно следим за успехами друг друга. Не скрою, такое было... Но это прошло, я рада за нее и за себя...

Эльвира всегда обладала поразительным чутьем на успех. Она предпочла относительно спокойную жизнь в Казахстане, где у нее не было ни единого конкурента, жестокой борьбе за место под солнцем в Москве. Долимбарова не просчиталась: занимаясь шоу-бизнесом, она стала самой состоятельной женщиной Казахстана. Ее авторитет там непререкаем, Эльвира – любимая певица президента и, по слухам, никогда не отказывается выступить перед ним на закрытом семейном празднестве, даже не требуя гонорара.

– Эля, какие у тебя планы? – спросила Стаховская. – Сколько еще предстоит провести концертов?

– Еще два, – протянула Эльвира. – Последний двадцать девятого декабря, и я тотчас после него вылетаю вместе с малышом на Капри. У меня там есть небольшой домик, где мы встретим Новый год. Я так устала от всей этой суеты, хотя без нее жить не могу. Но иногда чувствую, что мне необходимо затворничество...

Кристина рада была увидеть Эльвиру. Последний раз они встречались в холле чикагского отеля: Кристина и Владимир приехали в Штаты по делам, а Эльвира давала там концерты для советских эмигрантов, в который раз нарушив клятву более никогда не подниматься на сцену. Долимбарова пригласила их к себе в Астану, Кристина пообещала приехать, но, как часто бывает в жизни, встреча не состоялась. Поэтому, узнав, что Эльвира приезжает в столицу, Кристина решила во что бы то ни стало повидаться с ней.

– У тебя же, дорогая, тоже нет детей? – спросила напрямик Эльвира. – Но ты еще можешь их завести, возраст позволяет...

– Мы с Володей пока что слишком заняты, ни он, ни я не хотим, чтобы нашего ребенка воспитывали няньки. Ты же знаешь, я работаю вместе с мужем...

– Ты абсолютно права, а я вот думаю, не усыновить ли мне кого-нибудь, – сказала Эльвира. – Но мой малыш, я имею в виду мужа, сам как ребенок. За ним нужен глаз да глаз...

Ее прервала мелодичная трель мобильного телефона. Извинившись, Кристина ответила. Она произнесла несколько фраз и положила трубку.

– Владимир, – объяснила она. – Странно, мы договорились, что сегодня в полдень вместе полетим в Киев, нужно уладить кое-какие дела, однако теперь он звонит и говорит, что мое присутствие вовсе не требуется...

– Вот они, мужчины, всегда думают только о себе и поступают так, как считают нужным, – проронила Эльвира. – Поэтому-то я и выбираю себе спутников жизни, которые во всем зависят от меня. Они никогда не скажут мне и слова поперек!

– Кажется, у него какая-то тайная встреча, – сказала Кристина, прервав словесный фонтан Долимбаровой.

– Смотри, дорогая, как бы у тебя не объявилась соперница, – усмехнулась Эльвира.

– О нет, я полностью доверяю Владимиру, – ответила Кристина. – Я знаю, что ему никто не нужен, кроме меня.

– Опасное заблуждение, – заметила Эльвира. – Я думала то же самое о своем втором супруге, ты же помнишь, он был знаменитый иллюзионист... Но выяснилось, что у него есть

ассистентка, с которой он крутит роман. Однако это не помешало ему заявлять, что для него существуют только я. И он в итоге, совсем в духе старика Хоттабыча, испарился из нашей квартиры, прихватив все мои бриллианты. Однако на чем я остановилась? Кажется, я говорила о том, что когда решила строить небольшую виллу на Капри, то столкнулась с рядом проблем, ты не представляешь, дорогая, как все сложно...

Кристина делала вид, что слушает Долиббарову. Эльвира, как всегда, болтала только о том, что интересует ее саму. Ее номер был заставлен корзинами с шикарными и столь дорогими в конце декабря цветами. Розы, орхидеи, лилии, какие-то непонятные экзотические растения... Эльвира и сама была похожа на изящный и хищный тропический цветок. Тот самый, что питается зазевавшимися насекомыми.

– Эля, извини, но мне пора, – сказала Кристина. – Я думаю, что все же должна сопровождать Владимира.

– А как же обед? Ты же мне обещала, Кристиночка! Ну хорошо, я все понимаю, ничего не поделаешь. Но пообещай, что еще до моего отъезда заглянешь ко мне! Правда, завтра я иду на небольшой прием, понимаешь, ваш бывший президент пригласил меня к себе, не могу же я ему отказать... Ладно, позвони моему секретарю, возможно, у меня найдется для тебя свободная минутка!

Кристина чувствовала, что Эльвира обижена ее внезапным прощанием. Но что поделаешь, Стаховская должна успеть в аэропорт до отлета самолета... Словно извиняясь, она сказала Эльвире:

– Я не хочу отпускать Владимира одного. Кроме того, в Киеве живет моя сестра, я давно собиралась навестить ее...

За окнами номера Долиббаровой тихо падал снег. Погода последнюю неделю стояла замечательная, легкий морозец, снежок...

– Малыш, выйди попрощаться с нашей гостьей! – крикнула Эльвира. На ее зов из соседней комнаты появился высокий блондин, очередной супруг Долиббаровой. – Звони, дорогая, я буду тебя ждать, – произнесла, капризно надув губы, Эльвира. – И передавай привет своему супругу. Я регулярно смотрю передачи его телеканала. Захватывающе, признаюсь тебе...

Кристина спустилась на скоростном лифте в холл гостиницы. Выйдя на улицу, она подняла лицо навстречу крошечным снежинкам, которые, попадая на кожу, таяли, пронзая ее уколами холода. Так она делала когда-то в детстве.

Черный «Мерседес» затормозил около нее. Кристина опустила на сиденье. Взглянула на часы. Почти без четверти двенадцать.

– Гоша, – обратилась она к водителю, – мне нужно как можно быстрее попасть во Внуково. Владимир Сергеевич ждет меня, мы собираемся лететь в Киев.

– Понял вас, Кристина Алексеевна, – ответил шофер.

Владимир Стаховский шагнул навстречу невысокому, плотному человеку в дорогом пальто, который, завидев его, поднялся из кресла. Они находились в VIP-зале аэропорта Внуково.

– Рад вас приветствовать, Анатолий Степанович, – произнес первым Стаховский, пожимая руку гостю.

Тот, нервно оглянувшись, сказал:

– И я рад, что вы наконец-то появились.

– Поговорим в самолете. Пока мы летим в Киев, вы сможете изложить все, что вам известно о Деканозове. Я не сомневаюсь, что вы знаете многое, не так ли, Анатолий Степанович?

Его спутник потер щеку и ответил:

– У меня нет другого выхода. Вы сами это понимаете. После того как Деканозов вышвырнул меня из концерна, мое единственное оружие – информация.

– Уверен, что вы обладаете эксклюзивными сведениями, – сказал Стаховский. – Думаю, мы можем садиться в самолет, все должно быть готово. Этот авиалайнер принадлежит моей телекомпании, не беспокойтесь, нам там никто не мешает. Прошу вас! – Он указал рукой на дверь.

Анатолий Степанович, вздохнув, направился к выходу. Стаховский ликовал. Еще бы, получить в качестве источника информации бывшего первого заместителя Деканозова было редкостной удачей. После инсулинового скандала кто-то должен был понести наказание и стать козлом отпущения. Разумеется, не сам Константин Деканозов, а кто-то из его заместителей. Жертвой был выбран Анатолий Степанович Барабаш, которого обвинили в халатности и злоупотреблении служебным положением. Когда Стаховский узнал, что Барабаш уволен, он понял: вот его шанс добраться до секретов концерна «Парацельс».

Через десять минут они расположились в уютном салоне самолета. Барабаш не отказался от горячего кофе и слоеного пирожного. Анатолий Степанович, как заметил Стаховский, волнуется: еще бы, не так-то легко выступить против могущественного и беспощадного Деканозова.

– Ну что же, Анатолий Степанович, через минуту-другую мы взлетим, потом заработают камеры, и вы сможете подробно и без спешки изложить все, что вы знаете о вашем бывшем боссе, в особенности меня интересуют подробности проекта «Фарма-Стикс». Вы ведь в курсе всех деталей?

– Да, – медленно проговорил бывший заместитель химического короля. – Еще бы, семь лет назад именно я разрабатывал этот проект. Я захватил кое-какие документы, – он приподнял кейс, стоявший около сиденья. – Здесь все о проекте «Фарма-Стикс».

– Ну вот и хорошо, – сказал Стаховский. Он чувствовал, что в нем просыпается инстинкт гончей. Так происходило каждый раз, когда он нападал на след сенсации. Он даст в эфир пленку с Барабашем завтра или послезавтра. Деканозову не доведется встретить Новый год безмятежно и радостно.

Владимир Стаховский бросил взгляд на платиновые часы. Пять минут первого. Загудели двигатели самолета, их путешествие началось...

Кристина, выбежав из «Мерседеса», бросилась в здание аэропорта, лавируя среди массы пассажиров. Мобильный Владимира отключен, она не может до него дозвониться. Кристина и сама не понимала, почему она так взвинчена.

Было пять минут первого. Стаховская бросилась к служащим аэропорта, те развели руками.

– Сожалеем, но вы опоздали.

Кристина прижалась лбом к стеклу и следила, как самолет с ее мужем на борту отрывается от земли. Ну что ж... Видимо, новое разоблачение, о котором он старался не распространяться, так увлекло его, что он предпочел не посвящать в детали даже ее, свою жену.

Стаховская отошла от окна и направилась к выходу. В тот момент, когда она находилась в центре огромного зала, раздался оглушительный взрыв. Люди сначала не могли понять, что же произошло, на лицах пассажиров появился страх. Раздались крики, Кристина обернулась.

– Самолет, боже мой! – кричало сразу несколько голосов. – Он взорвался!

Кристина, словно окаменев, приросла к полу. Самолет телекомпании, тот самый, в котором находился Владимир, превратился в огненный шар. Прошло несколько секунд, и обломки авиалайнера рухнули на землю, потом раздался еще один взрыв. Кристина инстинктивно пригнулась, стекла под воздействием взрывной волны разлетелись на мелкие осколки. Кристина бросилась к оконным проемам, в которые холодный ветер вносил запах гари и смерти.

– Володя, – прошептала она, уставившись на искореженный остов самолета, охваченный пламенем. – Володя! – прокричала она, понимая, что спастись у мужа не было ни малейшего шанса. – Володя! – заплакала Кристина.

Светлана Ухтомина, журналистка еженедельника «В зеркале власти», владельцем которого был Владимир Стаховский, оторвалась от экрана компьютера. Вот, кажется, и все. Статья готова. Светлана вздохнула с облегчением и взглянула на часы. Почти половина второго дня. Ей потребовалось около трех часов, чтобы составить окончательную версию. Не так уж и много...

Светлана потянулась и подумала, что скоро, очень скоро, ее ожидает отпуск. Еще неделя напряженной работы – и она сможет уехать из заснеженной столицы куда-нибудь к теплу.

Последние два месяца Ухтомина занималась журналистским расследованием, темой которого были махинации в концерне «Парацельс», принадлежащем Константину Деканозову. Светлана работала в еженедельнике «В зеркале власти» уже пятый год и ничуть не жалела, что в итоге остановила свой выбор именно на этом печатном издании. Когда-то она мечтала о том, чтобы попасть на телевидение и стать ведущей ток-шоу, но потом поняла – ее вполне устраивает работа в газете. Ведь можно добиться признания и славы, не появляясь регулярно в эфире.

Именно этого – признания и славы – она добилась, занимаясь журналистскими расследованиями. Ее имя в последние два года стало синонимом честности и бескомпромиссности в борьбе с коррумпированной милицией, алчными предпринимателями и лживыми политиками.

Светлана хорошо помнила свой первый успех. Выезжая в провинциальный городок, чтобы написать рядовую статью о родителях, истязавших собственного ребенка, она и не предполагала, что наткнется на сенсацию. Когда же выяснилось, что родители мальчика являлись членами тайной организации, в которую входила едва ли не половина взрослого населения небольшого городка, Светлана поняла, что столкнулась с чем-то из ряда вон выходящим. Ей потребовалось применить всю свою изобретательность и отвагу, чтобы проникнуть на собрание организации, которая представляла собой смесь тоталитарной секты и фашиствующей коммуны.

Статья, в которой Светлана Ухтомина рассказывала о нравах в провинции и увлечениях жителей небольшого городка, произвела фурор. Ее немедленно заметили, ей стали приходить письма с угрозами.

Это было первой ступенькой к славе. Потом Светлана, обладавшая поразительным чутьем на сенсации, много раз занималась расследованиями, результаты которых публиковались на страницах еженедельника. «В зеркале власти», и так достаточно популярное издание, пользовался еще большим спросом, если читатели знали, что в новом номере ожидается статья, написанная Светланой.

В свои тридцать лет Светлана занималась тем, о чем мечтала с детства, неплохо зарабатывала и была вполне довольна жизнью. Она частенько попадала в серьезные переделки, которые, к счастью, заканчивались для нее благополучно. Она постепенно привыкла к анонимным посланиям, авторы которых грозились убить или покалечить ее. Ухтоминой приходилось примерно раз в полгода менять номер телефона, чтобы поклонники и противники не досаждали ей звонками. Что же, такова плата за успех, и Светлана была готова к этому.

И вот теперь статья о махинациях в концерне Константина Деканозова. Личность этого, пожалуй, самого эксцентричного миллиардера в России интересовала ее давно. Деканозов обладал невероятной способностью завоевывать симпатии публики, выдавая себя за клоуна. Те, кто слушал Деканозова или читал о его очередной выходке, не могли предположить, что этот человек на самом деле отличается полным отсутствием моральных принципов и готов на любое преступление, если это принесет ему прибыль.

Светлана знала, что Владимир Стаховский, глава медийной империи, частью которой был еженедельник «В зеркале власти», также имеет зуб на Деканозова. Поэтому, когда в ее распоряжение попали документы, подтверждающие причастность Константина Константиновича к ряду неблагоприятных сделок по сокрытию истинных размеров его доходов, она, не колеблясь, принялась за расследование.

Ухтомина была очень довольна. Еще бы, статья о том, как новый заместитель магната подкупает одного из высших чиновников в Министерстве юстиции, чтобы тот закрыл глаза на ряд вопиющих нарушений, произведет должное впечатление. Светлана никогда не публиковала информацию, которую не могла подтвердить документально. Первый раз на нее подала в суд директриса детского дома, обвиненная Светланой в продаже детей за границу. Возмущенная особа потребовала публичных извинений и денежной компенсации за моральный ущерб, это была сумма с шестью нулями. Ухтомина, предоставив судье неопровержимые доказательства нелегального бизнеса, который процветал в подведомственном директрисе учреждении, сумела опровергнуть обвинения в клевете и выиграть процесс.

Так будет и в этот раз, подумала она, принимаясь за концерт «Парацельс». Деканозов отличается вздорным характером и злопамятностью. Он способен помнить обиды, даже самые мелкие, в течение десятилетий, выбирать время и возможность, чтобы нанести тщательно планируемый и законспирированный удар, смертельный для его обидчика. Так произошло с его бывшим заместителем Анатолием Барабашем. Тот впал в немилость из-за того, что когда-то на вечеринке заявил, что именно он, Барабаш, а вовсе не Деканозов является подлинным финансовым мозгом концерна. С момента глупого и бахвального высказывания, сделанного под влиянием алкоголя, прошло пять или шесть лет. Деканозов, которому холуи доложили о словах заместителя, запомнил обидное заявление, но ничем не выказал своей злости. Таким он был всегда – под маской веселья, искрометного юмора и показного добродушия скрывался эгоцентрик, страдающий болезненным самолюбием и манией величия. Поэтому, когда с подачи Стаховского начал набирать обороты так называемый инсулиновый скандал, олигарх и свалил все грехи на Барабаша, который в одночасье потерял высокое место, репутацию и перспективы.

Светлана знала: связываться с Деканозовым смертельно опасно. Химический король не терпел неповиновения и любил деньги, а ее статьи наверняка уменьшат поступления на его тайные счета. Но она не собиралась отказываться от задуманного.

Итак, статья, первая в цикле, была готова, Светлана сегодня же покажет ее главному редактору. Два года подряд ей присваивали почетную премию «Перо года». Светлана благодаря этому вошла в когорту самых популярных и влиятельных журналистов-газетчиков. Владимир Стаховский встречался с ней несколько раз и выражал ей свое восхищение.

Светлана откинулась на спинку кресла и закрыла глаза. Что ж, теперь небольшой отдых, затем легкий обед – и в редакцию. Работа не ждет. Эта статья – только вершина айсберга, ей потребуется как минимум еще три публикации, чтобы полностью раскрыть глаза общественности, и в том числе, как она надеялась, правоохранительных органов, на махинации, которые были затеяны по указке Константина Деканозова.

В дверь ее кабинета тихонько постучали. Светлана, несмотря на то, что обладала достаточными средствами, по-прежнему жила с отцом. Он овдовел, когда ей было шесть лет. Ее мама стала жертвой уличного ограбления. Впрочем, Светлана не любила об этом вспоминать. Бандит, напав на беззащитную женщину, попытался вырвать у нее сумочку, а когда жертва попыталась сопротивляться, ударил ее ножом. Мать Светланы скончалась в больнице на операционном столе – врачи не смогли ничего сделать, была задета печень, кроме того, пациентка потеряла слишком много крови, пролежав на улице около получаса, прежде чем на нее наткнулись прохожие. Преступление так и осталось нераскрытым. Прошло почти двадцать четыре года, и Светлана до сих пор не знала, кто же является виновником смерти ее матери – алкоголик, малолетний преступник или рецидивист-гастролер.

Сколько раз Светлана мечтала, чтобы мама, которая в тот день получила зарплату, возвращалась домой не темным переулком, а вышла бы на освещенную фонарями улицу... Тогда бы все было иначе.

Светлана знала, что милицию нельзя упрекнуть в бездействии. Ее отец работал в уголовном розыске. Когда ему сообщили о том, что его жена в тяжелом состоянии, без сознания, доставлена в Институт Склифосовского, он, мобилизовав все силы, бросился на поимку бандита. Он не успокоился даже тогда, когда дело сдали в архив. Нападение произошло в темном глухом месте, около заброшенного железнодорожного переезда. Мама хотела сократить путь домой, поэтому и выбрала не светлую, полную прохожих улицу, а неосвещенный закоулок. Она была одна. Ее подруга, с которой они обычно возвращались по этому маршруту, в те дни была на больничном. Татьяна Ухтомина ходила этой дорогой уже несколько лет и была уверена, что с ней ничего не может случиться...

Как выяснилось, она жестоко ошибалась. Кто-то, зная, что на текстильной фабрике выдали зарплату, поджидал ее около насыпи и, как установило следствие, напал сзади, наверняка неожиданно. Отец Светланы, Геннадий Петрович Ухтомин, в то время майор милиции, продолжал заниматься расследованием убийства жены в течение многих лет. Иногда ему казалось, что он вышел на след человека, который той апрельской ночью поджидал в темноте его жену, иногда он впадал в уныние. Он чувствовал себя ответственным за судьбу дочери и двух ее младших братьев.

Однажды Светлана, будучи подростком, во время семейной ссоры, не сдержав эмоций, бросила отцу в лицо жестокое и незаслуженное обвинение, что он не сделал ничего, чтобы убийца его жены понес заслуженное наказание. Потом она долго жалела о сказанном.

Журналистская карьера казалась ей логичным продолжением ее интереса к выяснению истины. В последнее время Светлана часто задумывалась над словами, которые когда-то услышала от одного из преподавателей в университете, пожилого и умудренного опытом профессора. Тот сказал:

– Деточка, а вы уверены, что истина именно то, что приносит успокоение? Насколько я знаю из своего опыта, правда очень опасна, зачастую она разрушает и уничтожает людей. Поэтому не стоит так строго судить тех, кто предпочитает ее не знать...

Светлане тогда это высказывание показалось чересчур софистским. Она почему-то связала его со сплетнями, которые ходили вокруг профессора, – говорили, что в сталинские времена, чтобы самому не стать жертвой постоянных арестов, он несколько раз писал доносы на своих лучших друзей. Тогда она относилась к этому с омерзением, и только последующий жизненный опыт несколько смягчил ее категоричность.

Ухтомина помнила тот день – накануне окончания сессии, когда и студенты, и преподаватели уже предвкушали долгожданную летнюю свободу. Она и пожилой профессор остались одни в большой аудитории. Светлана, чувствуя, что старик явно благоволит к ней, рискнула вступить с ним в спор. Она сдала последний экзамен, как всегда, на «отлично», профессор поставил заслуженную оценку в ее зачетку, теперь можно и пофилософствовать.

Профессору нравились самостоятельные суждения Светланы, ее напор и энергия.

– Значит, вы уверены, что, узнав истину, вы, деточка, должны предать ее огласке? – повторил мысли Светланы, только что ею высказанные, преподаватель. – Максимализм молодости, что поделаться... Я сам когда-то был таким же, но моя юность пришлась на совсем другую эпоху. Я расскажу вам небольшую притчу, которую слышал еще студентом от одного поэта, сгинувшего впоследствии в лагерях.

Жил когда-то в небольшой шведской деревушке молодой человек по имени Нильс, жаждавший правды, как и вы. Он считал, что истина есть лучшее средство от всех бед. Поэтому, узнав, что его соседка изменяет мужу с кузнецом, он рассказал об этом ревнивому супругу. Когда Нильс увидел, как дьячок крадет подаяния из церковной кружки, он тотчас оповестил

об этом священника. Он сам задержал сорванца, который крал у пирожника в лавке булки и хотел улепетнуть с добычей. Нильс гордился собой, считал, что приносит людям огромную пользу, предавая огласке правду. Так прошла почти вся его жизнь, подступила неотвратимая старость. А Нильс оставался все таким же правдолюбом, беспощадно разоблачая несправедливость и обман.

Как-то раз отправился он в соседнюю деревушку через лес и заблудился. Оказался в чаще, вокруг него вздымались огромные ели, Нильсу стало страшно, лес пользовался нехорошей славой: многие уходили в него и не возвращались обратно. Внезапно деревья расступились, и Нильс оказался на берегу хрустально-прозрачной реки, о существовании которой он и не подозревал. В воде у берега стояло множество людей – мужчин, женщин, детей. Все они смотрели вдаль, словно ожидая чего-то. Нильс, видя, что темнеет, спросил у женщины, находившейся ближе всех к нему, как выбраться на дорогу к деревушке? Та обернулась, и Нильс со страхом узнал в ней свою соседку, которую он разоблачил много лет назад за то, что изменяла мужу. Сосед тогда избил жену, и она умерла. Один за другим оборачивались люди, стоявшие в реке, и Нильс узнавал в них тех, правду о ком он рассказал всему свету. Их объединяло одно – все эти люди были давно мертвы. Дьячок, укравший пожертвования, повесился на колокольне; мальчика, стащившего булки, злая тетка выгнала на улицу в самую пургу, и тот замерз. Нильс, понимая, что попал в потусторонний мир, призвал на помощь небесные силы и стал молить о спасении. Внезапно перед ним появилась женщина небывалой красоты, облаченная в серебряное одеяние. Страх у Нильса пропал, когда она взяла его за руку. «Это река забвения, – сказала незнакомка. – Все эти люди были несчастны при жизни, поэтому после смерти получили прощение – они ничего не помнят». Нильс узнал от нее, что ребенок, укравший булочки, просто был голоден, дьячок крал деньги, чтобы прокормить старую мать и шестерых братьев и сестер... «Они совершили грех, – сказала женщина, – но и ты, Нильс, добиваясь торжества правды, сам того не желая, обрек их на смерть. Бог смилостивился над ними и сделал так, чтобы они забыли о своих грехах. А ты сам, Нильс, не хочешь ли войти в реку забвения? Тогда и ты забудешь о том, что виновен в смерти многих людей, и будешь вечно счастлив, как они!» Женщина указала на людей, стоявших в прозрачно-изумрудных водах реки забвения. Нильс сделал шаг – и его стопа погрузилась в легкую волну. По телу растеклось тепло, исчез страх перед смертью. Он ведь тоже сможет остаться здесь, наслаждаться покоем... Однако Нильс переборол себя и сказал: «Нет, я хочу обратно. Я не готов погрузиться в реку забвения». Женщина покачала головой и печально улыбнулась. «Ты сделал свой выбор, Нильс, – сказала она. – Ты вернешься обратно в свой мир. Но теперь ты знаешь, что правда далеко не всегда является верной дорогой. Но и ложь заводит в тупик. Поэтому все рано или поздно хотят вступить в воды реки забвения». Едва она произнесла это, как и река, и люди исчезли, и Нильс очутился на дороге, ведущей к деревушке. Он со всех ног бросился к дому. С тех пор до самой своей смерти он никогда более намеренно не предавал огласке правду, но и не лгал, помня о реке забвения...

Ухтомина тогда посчитала эту историю выдумкой эксцентричного преподавателя. Однако легенду она запомнила и время от времени вспоминала жутковатую притчу о правдолюбце Нильсе.

Светлана знала, что всем в жизни она обязана своему отцу, который приложил немалые усилия, чтобы вырастить троих детей, оставшихся без матери. Он так больше и не женился, хотя несколько раз в их квартире появлялись кандидатки на роль матери-мачехи. Света отвергала их без обсуждений, впрочем, и отец, как она поняла, хотел жениться только ради нее и двух ее братьев-близнецов. Но это понимание пришло много позднее. В течение нескольких лет Светлана думала, что отец предал память о маме и ищет себе новую супругу. Какое-то время она даже не разговаривала с ним или подвергала его убийственному сарказму. Отец никогда ее не наказывал, всегда стараясь найти общий язык с дочерью.

В университете к ней внезапно пришло прозрение. Ухтомина поняла, как много отец сделал для них. Он фактически пожертвовал своей карьерой, чтобы как можно больше времени проводить с ними. Испытывая запоздалое раскаяние, Светлана стала искать подходы к отцу, и он, уже не чаявший наладить с дочерью отношения, был несказанно рад этому. Период «холодной войны» наконец завершился, они стали лучшими друзьями. Впрочем, тема смерти Татьяны Ухтоминой всегда стояла между ними, и ни Светлана, ни Геннадий Петрович не обращались к ней.

Отец вышел в отставку в звании подполковника, занялся цветоводством и превратился в доброго пасечника. Иногда Светлана ловила себя на мысли, что ему не хватает заботливой женской руки. Она сама несколько раз знакомила его с дамами, ничего не имеющими против замужества с подтянутым и осанистым мужчиной, но отец каждый раз обрывал отношения, едва они переходили границы обычного светского развлечения. Светлана обвиняла себя в том, что когда-то противилась его попыткам найти новую жену. Отец пытался таким образом убежать от самого себя, от довлеющего над ним прошлого, начать новую жизнь, а дочь не могла этого понять.

В последнее время Светлана заметила, что боль отпустила отца. Он проводил большую часть года на дачном участке, где развел поразительный по своей красоте сад, и занимался пчеловодством. Но все же Светлана не могла оставить его одного и продолжала жить вместе с отцом. Ее младшие братья, близнецы Игорь и Олег, которые были на два года младше сестры, давно покинули родительский дом. Они не помнили матери, и, как подозревала Светлана, никогда не терзались по поводу ее смерти. Игорь окончил экономический факультет МГУ, обзавелся женой и ребенком и делал карьеру в крупном пиар-агентстве; Олег, благополучно миновав пору подросткового донжуанства и опасного увлечения наркотиками, остановил свой выбор на юриспруденции и работал над кандидатской диссертацией, совмещая это с бурной личной жизнью. Светлана никогда не была особенно близка с братьями. Когда-то она много занималась с ними, играла и ходила гулять, теперь же они редко перезванивались и встречались только на нечастых семейных праздниках. Игорь и Олег гордились старшей сестрой, были поклонниками «В зеркале власти», читали ее статьи и первыми поздравляли с получением «Пера года». Светлана тоже гордилась их успехами и была отчасти рада, что близнецы не страдали, как она в течение многих лет.

– Света, – отец заглянул в ее кабинет, – включи немедленно телевизор! Там передают экстренный репортаж!

В зимнее время года он также обитал на даче, в двухэтажном особнячке, который выстроил собственными руками, однако в связи с приближением новогодних праздников Геннадий Петрович вернулся в столицу.

– Что случилось? – спросила Светлана, беря пульт дистанционного управления. – Что-нибудь серьезное?

Она знала, что отец никогда бы не побеспокоил ее во время работы над новой статьей, не будь для того достаточных оснований.

Геннадий Петрович, вздохнув, произнес:

– Ты сама все сейчас узнаешь, Света.

Она смотрела канал «Новое телевидение», которое считала наименее официозным и наиболее правдивым из всех российских каналов.

На экране возникла заставка студии новостей, и голос известного всей стране диктора произнес:

– ...Только что агентство «Интерфакс» сообщило, что примерно час назад в аэропорту Внуково разбился самолет нашей телекомпании, на борту которого находился глава холдинга «ВластЪ» Владимир Стаховский. О причинах катастрофы пока ничего не известно, однако, судя по предварительным данным, все пассажиры и экипаж погибли. По словам очевидцев,

самолет, который должен был вылететь в Киев, не успев набрать высоту, взорвался, а затем упал на взлетную полосу, где произошел второй взрыв. Территория аэропорта блокирована нарядами милиции, однако нам удалось установить связь с нашим корреспондентом, находящимся сейчас во Внукове. Максим, вы в эфире!

На экране возник молодой корреспондент и взволнованно заговорил:

– Да, Михаил, я вас слышу. К сожалению, пока не могу добавить практически ничего нового к изложенному вами. Сейчас я попрошу нашего оператора показать место происшествия, к которому никого не подпускают.

Камера задрожала, появилось изображение разбитого окна. Сквозь него виднелись языки пламени и копоты, бесновавшиеся на взлетно-посадочной полосе. Скелет самолета, искореженный и почерневший, был объят пламенем, около него суетились пожарные.

– Максим, что на этот час известно о причинах катастрофы и есть ли выжившие? – спросил диктор в студии. Корреспондент, покачивая головой, ответил:

– Михаил, вы видели место происшествия, которое превратилось в настоящий огненный ад. Увы, выжить в подобных условиях просто невозможно. На борту самолета, и это не подлежит сомнению, находился Владимир Стаховский, а также два пилота и две стюардессы. Как нам стало известно из заслуживающих доверия источников, Стаховский собирался вылететь в столицу Украины не один, а в сопровождении своей супруги, Кристины Стаховской, и таинственного гостя, личность которого в настоящий момент выясняется. Однако пока неизвестно, находилась ли в самолете Кристина Стаховская. Что же касается причин катастрофы, то это, безусловно, задача экспертов установить, почему самолет, едва успев оторваться от взлетно-посадочной полосы, рухнул на землю с высоты примерно ста пятидесяти метров. Однако, как утверждают многочисленные свидетели, его падению предшествовал мощный взрыв, что делает весьма вероятной версию о террористическом акте и сработавшем внутри самолета взрывном устройстве...

В этот момент на экране на фоне дыма и пламени возник полный усатый милиционер.

– Уберите камеру, снимать запрещено, – сказал он и накрыл пятерней объектив. Молодой журналист попытался сопротивляться, однако прямой эфир внезапно прервался.

Диктор в студии, скупой улыбнувшись, продолжил:

– Только что мы стали свидетелями того, как представитель правоохранительных органов помешал нашему корреспонденту вести прямой репортаж с места события. Мы попытаемся наладить связь с Внуковым как можно скорее. Однако одно можно сказать с уверенностью – в результате непонятной катастрофы из жизни ушел Владимир Стаховский...

Светлана, как парализованная, сидела в кресле. Неужели то, о чем говорит диктор, правда, а не страшный сон?

– Там наверняка была бомба, – с уверенностью произнес Геннадий Петрович. – И пусть не сваливают все на неисправность турбины или обледенение крыльев.

– ...родился в 1955 году в городе Усть-Кремчужном Свердловской области, в 1979 году окончил журналистский факультет Московского государственного университета, работал в ряде периодических изданий, а в 1992 году основал холдинг «Власть», в который входили наш телеканал, еженедельники «В зеркале власти», «Время размышлений», журнал «Независимый»...

Светлана никак не могла сконцентрироваться на словах диктора, который, представляя фотографии Владимира Стаховского, излагал основные этапы его биографии. Затем, схватив мобильный телефон, она набрала номер редакции. Ей удалось прозвониться только через десять минут.

– Приезжай, – сказал главный редактор. – У нас сейчас заседает кризисный штаб, принимаем решение, что делать дальше и какие материалы давать в ближайшем выпуске.

– А это точно? – спросила Светлана. – Неужели Стаховский...

– Да, – ответил главный. – Он погиб, и это произошло на глазах его жены. Кристины, слава богу, не было в самолете. Она уже на пути в «Останкино», собирается принять участие в прямом эфире, в студии соберутся аналитики и журналисты. Но у нас на носу выход очередного номера, так что дуй сюда!

– Я поняла, – ответила Светлана. Что ж, по всей видимости, статье об аферах в империи Деканозова придется немного подождать, новый номер будет полностью посвящен катастрофе, унесшей жизнь Владимира Стаховского. Светлана, усевшись в старенькую «Вольво», думала о том, что отец прав: самолет просто так не разваливается на части в воздухе. Неужели... Неужели кто-то из могущественных недоброжелателей Стаховского привел в исполнение свои угрозы и решил уничтожить журналиста и главу медиахолдинга?

Первым на ум пришло имя Деканозова. Уже давно ходили слухи о том, что Константин Константинович не гнушается устранять тех, кто стоит у него на пути. Но если это так... Светлана и думать не хотела, что последует за гибелью Стаховского. Интересно, а кто станет новым главой холдинга и что будет с собственностью Стаховского, в частности, с телевизионным каналом и популярным еженедельником?

Константин Деканозов, бессменный глава концерна «Парацельс», владелец ряда химических, нефтеперерабатывающих и фармацевтических предприятий, никак не мог унять радость, буквально распиравшую его. Так и есть, он шелкнул пультом дистанционного управления, по всем каналам одно и то же – гибель Стаховского во Внукове.

Деканозов находился в огромном кабинете, одна из стен которого представляла собой гигантский телевизионный экран. Его резиденцией являлась Парацельс-башня, как именовалась серебряная двадцатипятиэтажная стрела здания, располагавшегося на юго-западе Москвы. Согласно слухам, строительство этого комплекса для топ-менеджмента империи Деканозова обошлось в сто пятьдесят миллионов долларов. Только Константин Константинович знал – на самом деле сумма была в полтора раза больше. Он умел зарабатывать деньги и не жалел их, когда речь шла о его собственном престиже. Резиденция должна быть архитектурным воплощением его могущества и богатства. А те, кто посягнет на его империю, умрут. Вот оно, живое подтверждение этого постулата: Владимир Стаховский мертв, а вместе с ним умер и личный противник Деканозова.

Константин Константинович начинал когда-то как мелкий партийный функционер, и карьера у него не заладилась, так как его поймали на спекуляции джинсами и сигаретами. Это повлекло за собой крупный скандал и последующее исключение его из рядов КПСС, а также потерю хоть и мелкого, но весьма теплого места. Деканозов даже угодил в тюрьму на год и много позже выдавал себя за «узника совести», диссидента, преследуемого властями по политическим мотивам.

В начале девяностых, понимая, что настало время перемен, Деканозов метался в поисках куска собственности, который мог бы прибрать к рукам. Он понимал, что лучше всего было бы завладеть нефтяными месторождениями, однако его опередили. Потом, трезво поразмыслив, он решил: нужно занимать рынок лекарств. Люди болеют при любом режиме, люди умирают вне зависимости от формы власти, поэтому им всегда будут необходимы медикаменты.

Выбор оказался более чем верным. Деканозов организовал частную аптеку и стал приглядываться к небольшой фабрике, выпускавшей лекарственные средства. Константин Деканозов никогда не отличался щепетильностью, ему были нужны деньги, и ничто не могло остановить его.

Всего в течение года он прибрал к рукам три заводика, которые уже дышали на ладан. Рынок был заполнен импортными лекарствами, все в угаре от перемен хваталось за рентабельные предприятия. Деканозов же решил, что сам сделает фармацевтическую отрасль доходной.

Энергии ему было не занимать, он умел работать и считать деньги. Тихо, не привлекая внимания, он захватывал одно предприятие за другим. Сбылись его мечты, у него появились первые деньги. Уже давно не было партийных надзирателей, следящих за правилами игры, поэтому он тут же построил себе первый особняк, который обставил с вызывающей роскошью и безвкусицей.

Деканозов стремился к одному – монополизировать рынок лекарственных средств, и это ему удалось. В течение трех лет он был практически единственным игроком на поле, а когда другие также захотели заняться лекарствами, то поняли – они опоздали, на рынке безраздельно царил Константин Деканозов.

О нем заговорили, он стал мишенью критики и объектом восхищения. Деканозов к тому времени сменил четыре особняка и двух жен. Он давал многочисленные интервью, команды телевизионщиков повадились к нему в загородное поместье. Кто-то распространил слух о том, что он является самым богатым человеком в России, и Деканозов, зная, что это, к его величайшему сожалению, не так, всю поддерживал сплетни о себе.

Его империя росла с каждым годом, находившиеся под его началом фабрики и заводы были объединены им в концерн с броским названием «Парацельс». Деканозов умел выбирать себе менеджеров, однако всегда сам проверял все бумаги и следил за тем, чтобы никто не лишил его хотя бы малейшей части прибыли.

При помощи денег он карал врагов и благодетельствовал друзей. Впрочем, последних у него практически не было. Он затеял строительство роскошной и суперсовременной башни из стекла, бетона и мрамора, в которой должен будет расположиться головной офис его концерна, приобрел около столицы огромный участок земли, на котором возвел очередной дом, похожий на крепость.

Константин Деканозов выключил телевизор и бросил взгляд на бумаги, которые лежали на письменном столе. Великолепная новость, более чем великолепная! Уходящий год принес ему в основном огорчения и неприятности. Генеральная прокуратура трижды навещала его на фабрике, а летом, в то время, когда сам Деканозов находился в своем французском замке, в Парацельс-башню ворвались молодчики в масках, с автоматами наперевес, конфисковали финансовую отчетность и вынесли компьютеры. Деканозов тогда подумал, что настал его час, однако все успокоилось, вероятно, не без помощи крупной взятки, которую он дал кое-кому в Министерстве юстиции.

Но неприятности на этом не закончились. Владимир Стаховский всегда был бельмом на глазу Деканозова. Журналист, который сам превратился в хозяина медиаимперии, когда-то приглашал его к себе в студию. Константин Деканозов, отличавшийся тщеславием и болезненным самолюбием, не упустил возможности выступить в популярном ток-шоу. Он не ожидал, что Стаховский подвергнет его подлинному допросу. Журналист каким-то образом раздобыл серьезный компромат на него, и Деканозов помнил, как ерзал и потел в кресле, отвечая на очередной горячий вопрос Стаховского.

Он сразу же невзлюбил Владимира, тот тоже не скрывал своей неприязни к Деканозову. Поэтому, когда в принадлежавшем Стаховскому еженедельнике «В зеркале власти» появились статьи о фармацевтическом и химическом короле, который не гнушается преступать закон, Деканозов даже не удивился, а только разозлился и зачислил Стаховского в разряд своих заклятых врагов.

С врагами Константин Константинович не церемонился, никогда не испытывая к ним жалости. Он их уничтожал, иногда – физически. Те, кто смел идти против него, заслуживали смерти. Или, по крайней мере, полного краха.

Стаховский в течение нескольких лет публиковал время от времени в своих газетенках разоблачительные статьи, а этим летом занялся проектом «Фарма-Стикс»... Этот проект был одной из наиболее тщательно конспирируемых тайн империи Деканозова. Еще бы, обществен-

ность ни за что не должна узнать о том, что случилось шесть лет назад. О сути дела знало всего несколько человек в стране, в том числе и бывший заместитель Деканозова Анатолий Барабаш. Надо же, какая незадача, Барабаш, которого Деканозов выбросил из высокого кресла, погиб вместе со Стаховским. А вместе с ним сгорели и документы по «Фарма-Стиксу».

Деканозов пролистал тонкую папку, в которой лежал теперь уже единственный экземпляр проекта.

Константин Константинович собирался хранить эти документы у себя в подмосковном особняке, в сейфе. Никто и никогда не сможет добраться до них. «Фарма-Стикс» был слишком смрадной тайной, чтобы общественность знала о ней.

Раздался звонок. Секретарша сообщила Деканозову, что его хочет видеть сын.

– Могу ли я пропустить его, Константин Константинович? – спросила она.

– Разумеется, и немедленно! – велел Деканозов и поднялся из кресла. Папку положил в ящик стола, сегодня же он заберет ее и надежно спрячет. И если «Фарма-Стикс» даст о себе знать, никто уже не докажет, что Деканозов имел к нему какое-то отношение.

Двери его кабинета распахнулись, на пороге возникло инвалидное кресло. В нем сидел худенький подросток лет четырнадцати, с темными волосами и поразительно умными глазами. Нельзя было не заметить фамильного сходства – мальчик был как две капли воды похож на отца.

– Привет, папа, – произнес сын, и кресло, издавая едва слышный жужжащий звук, двинулось к олигарху. – Ты же сказал, что я могу навестить тебя.

– Ну конечно, Дима, – ответил Деканозов. – Проходи, я чрезвычайно рад, что ты заехал ко мне!

За Димой в кабинет вдвинулся высоченный охранник, облаченный в черный костюм. Глаза скрывали темные очки.

– Ладно, иди, – Деканозов нервным жестом отпустил телохранителя. – Заберешь Дмитрия через полчаса и организуешь ему экскурсию в компьютерный центр.

Охранник исчез, Деканозов подошел к сыну, который созерцал в большое окно панораму заснеженной Москвы.

– Какой отсюда красивый вид! – сказал он, обернувшись к отцу. – Ведь правда, папа, поэтому ты и выстроил здесь свою резиденцию?

Деканозов никогда не смотрел в окно, у него и без того хватало работы, единственное, что его волновало, чтобы в рамы были вмонтированы пуленепробиваемые стекла, абсолютно темные снаружи и пропускающие внутрь свет.

– Ты прав, Дима. – Он положил руку на плечо сына. – Вид потрясающий. Хочешь перекусить?

Дима отрицательно покачал головой.

– Ну расскажи тогда, чем ты сегодня занимался.

– Как всегда, был на занятиях, – сказал мальчик. – Потом компьютер... Папа, а когда мы полетим в Нью-Йорк, ты же обещал, что это будет на Новый год?

– Понимаешь, – ответил отец, – у меня так много дел, предстоит заключение важной сделки с китайцами... В этом году не получится, но я тебе обещаю, что весной...

Дима отъехал от окна, Деканозов видел, что он едва скрывает свое разочарование и обиду.

– Но я подумаю, возможно, смогу найти время, – продолжал Константин Константинович. – Да, я почти уверен, Дима, что это получится. И тридцатого мы с тобой вылетим в Нью-Йорк...

– Но только без Анжелики, папа, ты мне обещаешь? – Дима поднял голову и застенчиво улыбнулся.

– Да, ее мы оставим дома, – поморщился Деканозов.

Анжелика была его последней супругой, несносная девчонка двадцати трех лет от роду, капризная и безголовая. Однако, как и все пассии Константина, потрясающе красивая. Деканозов предпочитал именно таких женщин. Он считал себя слишком умным, чтобы иметь еще и умную жену. Его первая супруга, мать Дмитрия, была «синим чулком», профессорской дочкой, он женился на ней еще в то время, когда работал в райкоме. Константин был несказанно удивлен, когда жена не только не бросила его после того, как он угодил в тюрьму, а продолжала исправно навещать и всячески успокаивать. Поэтому, выйдя из мест заключения, он вернулся к ней. Они прожили вместе еще два года, и накануне давно планируемого Деканозовым разговора о том, что им лучше всего расстаться, жена радостно сообщила ему, что беременна.

Деканозов был удивлен и одновременно испуган. Они прожили с женой к тому времени почти десять лет, и ни разу у них не было разговора о детях. Константин почему-то уверился, что она бесплодна. И вот теперь она заговорила о ребенке.

Жена была счастлива и опьянена предстоящим рождением долгожданного чада. Деканозов, отложив на полгода развод, снова изображал любящего супруга. Сын был ему необходим, его империи, которую он начал выстраивать, потребуется наследный принц.

Беременность у жены протекала легко, и скоро на свет появился очаровательный крепкий мальчик, которого Деканозов сразу же полюбил. Жена не могла нарадоваться на малыша. Но внезапно года в три у него появились симптомы непонятного заболевания, она сразу же позвонила Деканозову.

Тот, слишком занятый захватом нового предприятия, отмахнулся от нее и заявил, что ребенок должен расти, как и подобает настоящему мужчине, без бабской гиперопеки и лишней суеты. И только потом он узнал, что были упущены драгоценные часы, когда Диму можно было спасти. Когда он вернулся домой, то застал жену в трансе, сына увезла «Скорая помощь». Деканозов в ярости ударил супругу и, сопровождаемый эскортом джипов, сам направился в больницу.

Врачи не могли ничем его порадовать. Они сообщили, что инфекция, которую подхватил крошечный Дима, слишком серьезна, затронуты мозговые оболочки, что повлекло за собой непоправимые для здоровья малыша последствия. Деканозову казалось, что рухнул мир. С его сыном не может случиться ничего плохого! Как же так, он, отец, имеет несколько предприятий, которые производят лекарства, и не способен помочь собственному ребенку.

Воспаление легких вылилось в менингит, мальчик два дня находился между жизнью и смертью, и, когда врачам все же удалось буквально вытянуть его с того света, вдруг выяснилось, что Дима никогда не сможет ходить. У него парализовало ноги.

Деканозов был вне себя от ярости и отчаяния. Он обвинял во всем жену, не вспомнив о том, что сам отмахивался от ее предостережений. Он затеял бракоразводный процесс, отобрал у нее сына, выгнал ее из особняка. Она молила, чтобы Константин оставил Диму с ней, но Деканозов заявил, что, если она приблизится к ребенку более чем на сто метров, его телохранители откроют по ней огонь.

Жена поселилась где-то в трущобах столицы, превратилась в алкоголичку и развалину. Деканозов самолично взялся за воспитание сына. Бесконечные консилиумы именитых врачей как в России, так и за рубежом выносили один и тот же вердикт – паралич нижних конечностей нельзя устранить, современная медицина пока что не изобрела таких средств. Деканозов к тому времени уже стал монополистом фармацевтической промышленности. Он основал в своем концерне целый отдел, который трудился над разработкой действенного лекарства от недуга, которым страдал Дима.

Константин иногда проклинал судьбу. Надо же, у него есть все: деньги, власть, удача, – а вот единственный и горячо любимый сын остался инвалидом. Он всячески гнал от себя мысль о том, что сам виноват в том, что произошло с мальчиком. Конечно же, единственной виновницей случившегося является его бывшая жена!

Сын рос настоящим вундеркиндом, живым и непосредственным, всем интересующимся, злой волей случая прикованным к инвалидному креслу. Он намного опережал своих сверстников по интеллекту, Деканозов иногда с гордостью и ужасом замечал, что может беседовать с Димой, как со взрослым. Он сообщил ему, что его мать давно умерла, погибла в автомобильной катастрофе. Когда же Дима настоял на том, чтобы посетить ее могилу, Деканозов, заплатив тысячу долларов, получил в собственность заброшенную могилу, которую украсил аляповатым гранитным памятником с фотографией молодой безымянной красавицы, датами рождения и фиктивной смерти. Наблюдая за тем, как мальчик, склонив голову, молча сидит у надгробья, приложив руку к фотографии, Деканозов ловил себя на еретической мысли, что даже рад болезни сына. Это позволяет ему держать Диму под постоянным контролем. Информация, которая поступала к мальчику, строго дозировалась, Деканозов следил за тем, чтобы тот не узнал ничего плохого об отце и не выяснил, что его мать на самом деле жива. Поэтому, когда Дима попросил у него Интернет, он отказал ему, мотивируя это тем, что «паутина» – совсем не то, что сыну нужно.

Дима, которому недавно исполнилось четырнадцать, практически не общался со сверстниками, проводя все время в загородной крепости Деканозова. Лучшие учителя доставлялись к нему из Москвы на лимузинах, единственной отрадой мальчика были книги. Деканозов с гордостью рассказывал, что его сын в возрасте одиннадцати лет изучал труды Шопенгауэра, а в двенадцать занялся высшей математикой и выдвинул альтернативную теорию возникновения вселенной.

Константин Константинович не хотел, чтобы Дима узнал о том, каким образом его отец зарабатывает деньги, о том, что за богатством, которое рано или поздно достанется мальчику, стоят многочисленные преступления, обман и кровь. Иногда, глядя на сына, Деканозов думал о том, что он наверняка знает правду, однако, беседуя с Димой, каждый раз убеждался, что тот не в курсе происходящего.

Деканозов сначала пытался отгораживать Диму от внешнего мира, полагая, что больной наследник – это его ахиллесова пята. И все же он был не в состоянии скрыть правду от бульварной прессы и однажды решил вывести сына в свет, взял его с собой на прием. Дима, развитый не по годам, произвел самое благоприятное впечатление на финансовую элиту. Но Деканозову очень хотелось, чтобы его сын, такой умный и замечательный, однажды выздоровел. Он никак не мог свыкнуться с мыслью, что судьба уготовила его ребенку столь тяжелое испытание.

– Ты обещаешь, что мы точно полетим в Нью-Йорк, только я и ты? – опять спросил заговорщическим тоном Дима, невольно вызвав у отца улыбку.

Очень многие поразились бы, увидев, как Деканозов, который прослыл беспощадной акулой нового российского капитализма, улыбается, шутит, проявляет нежность. Ребенку незачем знать обо всей той грязи, с которой вынужден иметь дело его отец. Дима чрезвычайно одаренный подросток, однако он идеалист и очень наивен. Отец был для него образцом для подражания. Деканозов не скрывал от сына, что они очень богаты, что им принадлежат фармацевтические и химические предприятия. Но ребенок не должен иметь к этому отношения. В конце концов, есть менеджеры, которые в свое время станут во главе концерна, а Дмитрий получит контрольный пакет акций, чтобы жить в свое удовольствие, ни о чем не заботясь, желательно за границей.

– Ну да, только мы с тобой. Анжелика останется дома, – пообещал Деканозов.

Дмитрий никак не мог найти с этой дурочкой общий язык. Анжелика отличалась кукольной красотой, вздорным характером и необыкновенным умением пускать на ветер деньги, однако расставаться с ней даже ради сына Деканозов пока не хотел.

– Здорово! – воскликнул Дима. Несмотря на свой интеллект, он по-прежнему оставался ребенком.

Деканозов опять умилился: у него замечательный сын. Увы, детей у него больше не было, но Константин и не собирался их заводить, например от Анжелики. Не дай бог дети унаследуют умишко матери...

– Мне необходимо уладить кое-какие дела, – произнес Константин Константинович. – Но это не займет много времени. Мы полетим на самолете нашего концерна. И встретим Новый год в Америке. Ты же знаешь, что я всегда сдерживаю свои обещания?

Мальчик ничего не ответил. Раздался сигнал селекторной связи, Деканозов взял трубку.

– Да, сейчас, подожди, – коротко бросил он и снова обратился к сыну: – Дима, ты ведь хотел попасть в наш компьютерный центр. Я скажу, чтобы тебя проводили. А позже присоединюсь к тебе. И, если не возражаешь, мы поедем с тобой куда-нибудь поужинать.

Он нажал кнопку, явился телохранитель, который почтительно держал дверь, пока Дима в кресле проезжал мимо него.

– До встречи, папа, я тебя жду! – произнес он на пороге и улыбнулся. Деканозов в который раз испытал суеверный страх. Улыбка мальчика напоминала материнскую. Но нет, она, виновница ужасной трагедии, осталась навсегда в прошлом. Дима никогда не узнает о ней и никогда ее не увидит.

Закончив телефонный разговор, Деканозов положил трубку и, сцепив руки в замок, в задумчивости посмотрел в окно. Дима прав, вид действительно необыкновенный, однако у него никогда не было времени насладиться живописной панорамой города. Год завершался. Завершалась и длинная череда неудач. Владимир Стаховский мертв. Деканозов, разъяренный деятельностью медиамагната, давно строил планы его обуздания, даже с применением физической силы. Когда же до него дошли слухи, что предатель Барабаш собирается продать Стаховскому информацию по проекту «Фарма-Стикс», Деканозов испугался. Такое происходило с ним крайне редко. Это была реальная опасность для его концерна.

Деканозов снова включил телевизор. Все та же суета вокруг гибели Стаховского. Ну что ж, собаке собачья смерть. Нечего думать о нем, надо сосредоточиться на чем-то приятном, например, на поездке вместе с сыном в Нью-Йорк...

– Света, я так рада тебя видеть, – Кристина Стаховская первой протянула гостье руку. Вдова медиа-магната, затянутая в черный шелк, осунулась. Светлана Ухтомина могла поспорить, что Кристина очень страдала, однако лицо ее было бесстрастным. Только рука слегка дрожала.

– Кристина, прими мои самые искренние соболезнования, – произнесла Светлана. Она всегда терялась, когда требовалось утешить кого-то в горе. Разве слова могут выразить всю боль утраты и помочь тому, кто только что потерял любимого человека.

Звонок от Кристины поступил неожиданно. Светлана была в редакции еженедельника «В зеркале власти», где вторые сутки шло заседание кризисного штаба. Весть о гибели Владимира Стаховского стала неопровержимой реальностью, к ней начинали привыкать. О причинах катастрофы все еще не известно ничего достоверного, в спешном порядке была сформирована правительственная комиссия. Светлана знала Кристину, как, впрочем, и Владимира Стаховского, однако это знакомство не выходило за рамки отношений либерального работодателя и чрезвычайно удачливого работника. Кристина, как и ее супруг, работала в холдинге «ВластьЪ», писала статьи для газет и была редактором нескольких телевизионных программ.

– Проходи, – произнесла Кристина, закрывая за Светланой тяжелую дверь. Они были одни в большой прихожей квартиры Стаховских. Здесь сразу чувствовался стиль и наличие денег. На ярко-белом фоне стен Кристина, облаченная во все черное, выглядела маленькой девочкой, растерянной и испуганной, которая не по своей воле попала в водоворот страшных событий. – Я рада, что ты согласилась навестить меня, – продолжала Стаховская. – Почему-то

все думают, что мне хочется остаться наедине с мыслями и воспоминаниями, но это не так. Я боюсь одиночества, не представляю себя без Володи...

Она оборвала фразу на полуслове, взгляд ее потух.

– Ну ладно, оставим это... Проходи, прошу тебя. Ты что будешь пить, кофе или чай? Или, может быть, сок?

– Черный кофе, – ответила Светлана.

Она прошла в овальную гостиную, доминантами в которой был свет, простор и стекло. Легкая лестница, словно парящая в воздухе, вводила на второй этаж. Похоже, в квартире, кроме них, никого не было. Светлане бросилась в глаза большая фотография Стаховского, перевязанная черной лентой.

– Твой кофе. – Кристина появилась из кухни, держа в руке изящную фарфоровую чашечку. Светлана подумала, что со стороны кажется, будто одна подруга пригласила к себе другую по пустяковому поводу. А на самом деле поводом была смерть.

Они опустили на белоснежную кожаную софу. Кристина, помолчав, произнесла:

– Ты наверняка удивлена, почему я попросила тебя прийти... Скажи честно, это так?

– Да, – ответила Ухтомина. Она в самом деле не понимала, почему Кристина позвонила именно ей. Они никогда не были особенно близки. Светлана являлась одной из лучших журналисток еженедельника, который принадлежал ее мужу, не более того. Возможно, Кристина ищет поддержки в минуты отчаяния. Однако Стаховская не производила впечатления отчаявшегося человека.

– Я не буду ходить вокруг да около, – Кристина зябко повела плечами. – Я прошу тебя помочь мне, Света, и рассчитываю на твою поддержку.

Ухтомина произнесла:

– Кристина, чем я могу помочь тебе, скажи, и я постараюсь сделать все, что в моих силах. Я очень многим обязана Владимиру, ты это знаешь...

– Спасибо тебе за поддержку, – Кристина вздохнула. – Я никак не могу свыкнуться с мыслью, что его нет.

– Такая нелепая катастрофа, – Светлана отпила немного кофе. – Говорят, что у каждого своя судьба...

– Нелепая катастрофа! – воскликнула Кристина. – Светлана, если бы ты знала... Впрочем, ты должна знать! Власти заявляют, что причина пока не установлена, но на самом деле это не так. Все выяснилось в день гибели Владимира, но об этом не сообщают широкой общественности. В самолет моего мужа кто-то подложил взрывное устройство, которое сдетонировало при взлете. Это и стало причиной первого взрыва, а когда самолет упал на взлетно-посадочную полосу, взорвались баки с горючим.

Светлана слушала Кристину и поражалась ее самообладанию. Та говорила о страшных вещах будничным голосом, лишенным всяких эмоций, но Ухтомина понимала, что она на самом деле страдает.

– В ближайшие дни об этом сообщат, но пока никто не хочет будоражить общественность. Впрочем, смерть Владимира многим на руку. Блестящий журналист, владелец независимого холдинга и целого телевизионного канала...

– Кто бы это мог быть? – произнесла Светлана. – У Владимира было много врагов, своей деятельностью он настроил против себя множество влиятельных лиц.

– Это так, – согласилась Кристина. – Но ведь ты не знаешь, кто находился с Владимиром в самолете. И вообще, эта история непонятная и запутанная. Накануне Владимир сказал мне, что мы летим в Киев. Я собиралась отправиться вместе с ним, в Киеве живет моя сестра, и я хотела навестить ее. В день гибели я была в гостях у Эльвиры Долибаровой, она остановилась в отеле «Балчуг-Кемпинский». Там меня и застал звонок от Владимира, он сказал, что хочет лететь без меня, так как в самолете намечается взять интервью у своего таинственного гостя.

Я что-то заподозрила, даже не могу сказать, что именно, поэтому и отправилась во Внуково. Однако прибыла туда слишком поздно, самолет уже стартовал. А затем, всего несколько секунд спустя...

Она замолкла. Светлана отвела глаза. На долю Кристины выпало самое страшное: она стала свидетельницей смерти любимого человека.

– ...раздался взрыв, – продолжала Стаховская. – Это походило на фильм ужасов. Я все стояла и пыталась сообразить, что же происходит. От взрывной волны лопнули стекла, тысячи осколков разлетелись по всему зданию аэропорта. У меня мелькнула мысль о террористах, я все еще никак не понимала, что взорвался самолет с Владимиром...

Она снова замолчала и, опустив голову, тяжело вздохнула. Светлана осмотрелась вокруг. Здесь когда-то жил Владимир Стаховский, а теперь он мертв. Кристина, что же будет с ней дальше?

– Володя был не один в самолете, – сказала Стаховская. – Теперь я точно знаю, с кем он летел в Киев. Таинственным спутником Владимира, это уже многим известно, был Анатолий Барабаш, тебе это имя о многом говорит, не так ли?

Светлана вздрогнула. Еще бы, всего два дня назад она ссылалась на Барабаша в своей статье, посвященной разоблачениям махинаций в концерне «Парацельс».

– Бывшая правая рука Деканозова, – сказала Светлана. – Но почему он оказался в самолете?

– Я этого не знаю, – с горечью ответила Кристина. – Я всегда думала, что Володя доверяет мне, он никогда не скрывал, каким расследованием занимается в данный момент. Я ему во многом помогала... Но о том, что в Киев летит с Анатолием Барабашем, он мне не сказал. Теперь, реконструируя в памяти дни накануне катастрофы, я припоминаю – Владимир пытался отговорить меня от поездки, заявлял, что мне лучше навестить сестру позднее, но я упрямо стояла на своем. Наверняка он хотел встретиться с Барабашем наедине, чтобы взять у него интервью. Тот, насколько мне известно, обладал взрывной информацией о Константине Деканозове. Я выяснила, что интервью в воздухе должны были заснять на пленку. Скорее всего, Владимир считал, что Барабашу не понравится мое присутствие, поэтому он и принял решение лететь без меня. Поэтому и позвонил в отель. Мое опоздание спасло мне жизнь!

Стаховская замолчала. Светлана подумала, что вряд ли сама могла бы так хорошо и с достоинством держаться в подобной ситуации. Без сомнения, Кристина сильная личность. И у нее есть большие шансы возглавить после смерти... после убийства Владимира холдинг «ВластЪ». В конце концов, Кристина имеет журналистское образование и, кроме этого, уникальное чутье на сенсации.

– Я все время думаю о том, что, если бы не звонок Владимира, который сбил меня с толку, я бы успела в аэропорт и оказалась бы в самолете. И погибла бы вместе с ним.

– Слава богу, этого не произошло, – сказала Светлана. – Но знает ли о том, что ты рассказала, следствие, Кристина? Я не думаю, что имеет смысл утаивать что-то от комиссии...

– О, не беспокойся! – воскликнула Стаховская. – Все, кому надо, в курсе, меня заверили, что органы приложат все усилия для того, чтобы найти виновных в катастрофе. Но ты сама понимаешь, это все только слова. Владимир был журналистом и бизнесменом, а кто именно является у нас в стране жертвами заказных убийств? Бизнесмены и журналисты... Следствие, как заявил мне один высокий чин, пока не видит никакой связи между взрывом и присутствием на борту Анатолия Барабаша. Не сомневаюсь, что они этой связи так и не установят. Убийство Владимира, скорее всего, останется нераскрытым. Очередная гибель очередного журналиста... Но, Света, я уверена, что на самом деле покушались не только на моего мужа, но и на Барабаша. Ты ведь занимаешься именно концерном «Парацельс», что тебе известно о нем?

Подумав, Светлана ответила:

– Анатолий Степанович Барабаш, выпускник Ленинградского горно-химического института... В свое время считался одним из самых блестящих стратегов империи Константина Деканозова. Однако в середине этого года, после рейда в концерн «Парацельс» Генеральной прокуратуры и налоговой полиции, был обвинен в некомпетентности, неверной финансовой политике, злоупотреблениях служебным положением и уволен в одночасье. На самом деле за всем этим стоят его давнишние противоречия с Деканозовым.

– Как ты думаешь, Света, обладал ли Барабаш сведениями, которые были смертельно опасны для Деканозова? – спросила Кристина.

Светлана, практически не задумываясь, воскликнула:

– Конечно! Когда Деканозов уволил его, то все ждали разоблачительной пресс-конференции, никто не думал, что бывший заместитель фармацевтического короля оставит без внимания нетактичное, мягко говоря, поведение своего шефа. Но Барабаш затаился, избегал журналистов и только один раз, когда его поймали около машины, был вынужден сказать, что ничего не знает и ему нечего выносить на суд общественности. Ему мало кто поверил – Барабаш, без сомнения, был в курсе махинаций в концерне Деканозова, которые происходили при нем в последние семь лет. И если он согласился побеседовать с Владимиром, то могу практически утверждать, что собирался сообщить какую-то компрометирующую информацию на своего бывшего хозяина.

– Я тоже так думаю, – сказала Кристина. – Поэтому я и позвонила тебе. Ты считаешься самой лучшей журналисткой в еженедельнике «В зеркале власти», Владимир часто упоминал твое имя с гордостью. Он говорил, что ты чем-то напоминаешь ему самого себя: такая же напористая, дерзкая и жаждущая истины...

Ухтомина слегка улыбнулась. Ей уже не раз говорили, что, выйди она замуж за Стаховского, они бы вместе составили великолепный тандем.

– Ты, если я правильно информирована, сейчас вплотную занимаешься личностью Константина Деканозова и финансовыми злоупотреблениями в его концерне. И, не сомневаюсь, ты знаешь о нем многое.

– Много, но далеко не все, – ответила Светлана. – Деканозов скользкий, как угорь, его можно обвинить в мелких грешках, найти небольшие недочеты в бумагах, доказать, что он когда-то проехал на перекрестке на красный свет, но не более того. Но я уверена, Константин Константинович скрывает куда более страшные тайны.

– О, в этом можешь не сомневаться. Владимир давно занимался личностью Деканозова. Помню, года полтора назад он как-то заметил, что ему хочется добыть информацию, которая уничтожит Деканозова, и поклялся, что рано или поздно сделает это. А если Владимир что-то затевал, то всегда добивался намеченного. Думаю, накануне собственной гибели он вплотную подошел к разоблачению скрытой от всех деятельности олигарха. Иначе зачем бы он встречался с Барабашем и даже хотел записать интервью с ним на пленку? Теперь, вспоминая последний месяц, могу сказать, что Владимир был одновременно взволнован и полон эйфории. Я как-то не придавала этому особого значения, но он явно напал на след сенсации. И этой взрывной информацией его мог снабдить только один человек – Анатолий Барабаш.

Кристина закрыла лицо руками и через секунду, справившись с волнением, продолжила:

– Света, по всей видимости, мне придется встать у руля холдинга. И я ни за что не сверну с того пути, который выбрал Владимир. Я приложу все усилия для того, чтобы смерть Володи не осталась нераскрытой. Власти не особенно стремятся найти убийцу. Значит, нужно взять расследование в свои руки. Потому-то, Света, я и обратилась к тебе. Ты считаешься специалистом по концерну «Парацельс», ты независимый и неподкупный журналист, не боящийся писать правду. Как ты относишься к моему предложению заняться выяснением причин гибели Владимира?

Светлана, которая уже поняла, что было истинной подоплекой внезапного звонка Кристины, медленно ответила:

– Я чрезвычайно ценю твое доверие, Кристина. Я благодарна тебе за столь лестное мнение обо мне. Но не могу согласиться с тем, что я являюсь лучшим журналистом еженедельника. Ты же знаешь, Владимир подбирал светлые головы, поэтому у нас в редакции работают люди, куда более одаренные и компетентные, чем я. Я всегда восхищалась Владимиром Стаховским, более того, он до сих пор является моим кумиром и образцом для подражания. Человек, который начал с нуля и всего за несколько лет смог выстроить мощную медиа-империю! Даже название холдинга отражает его имя: «ВластЪ» – Владимир Стаховский. Если бы я почувствовала хотя бы малейшее давление, если бы мне кто-то хоть раз сказал, *что* можно писать, а о чем лучше промолчать, я бы ушла из еженедельника, но такого не произошло, и в этом в первую очередь заслуга Владимира. Я знаю, что ему поступали заманчивые и весьма щедрые предложения о продаже телевизионного канала, нашего еженедельника или всего холдинга в целом, и каждый раз он отвечал отказом. Он в моих глазах был воплощением журналистской этики, Кристина, и я говорю это без всякого пафоса. Его убили, и это ужасно, и ты абсолютно права – его смерть не может остаться безнаказанной.

– Спасибо тебе, Света, – прошептала Кристина.

Она поднялась с софы и исчезла из гостиной. Светлана осталась одна. Стаховская вернулась через несколько минут, глаза ее покраснели. Она наверняка приводила себя в чувство, стремясь не показать слез гостю.

– Я вижу, что не ошиблась, выбрав тебя, – сказала Кристина. – Завтра состоятся похороны Владимира, в самый канун Нового года. Какая зловещая гримаса судьбы – он так любил этот праздник, и вот отправится в последний путь 31 декабря. Света, я буду содействовать тебе, как только могу. Ты получаешь новое задание – расследование смерти Владимира. Мне кажется, что ты должна уделить особое внимание Константину Деканозову. Именно ему, и никому другому, была выгодна смерть Володи и Анатолия Барабаша. Но, прошу тебя, будь крайне осторожна. О том, что ты занимаешься расследованием катастрофы во Внукове, никто не должен знать. Мне хорошо известно, что как на телевидении, так и в твоём еженедельнике есть люди, которые не гнушаются информировать сильных мира сего о готовящихся публикациях или программах, в которых разоблачают их грешки. Если Деканозов причастен к смерти мужа, а я думаю, что это именно так, то, значит, он заранее от кого-то узнал о том, что Владимир собирается встретиться с Барабашем и получить от того эксклюзивные материалы. Я тебе безгранично доверяю, Света.

Ухтомина на секунду закрыла глаза. О таком громком расследовании, которое может изменить всю ее жизнь, она мечтала уже давно. Пожалуй, с того самого момента, когда выбрала для себя журналистскую стезю. И вот этот момент настал. Она приложит все силы для того, чтобы найти виновников гибели Владимира Стаховского. Но Кристина трижды права, это занятие может стать очень и очень опасным. Те, кто устранил Стаховского, не задумывались о том, что вместе с ним погибнут совершенно непричастные к этому люди, пилоты и стюардессы. Светлана знала: когда речь идет о больших деньгах, никто не считается с человеческой жизнью. Но она была обязана Владимиру своей блестящей карьерой, поэтому не имеет права отказаться. И еще: Кристина...

Стаховская, сжав руки и опустив взгляд, сидела на софе. Светлана испытала к ней внезапную жалость. Бедная, сколько на нее всего обрушилось. Стать во главе большого медиа-холдинга – явно нелегкий выбор. И Кристина, возможно, еще не готова к этому. Она всегда опиралась на Владимира, привыкла к тому, что муж принимает решения и руководит всем. И вот настал момент, когда его не стало, а решения по-прежнему требуется принимать. На этот раз уже ей самой. Впрочем, Светлана ошибается. Владимир никогда бы не выбрал себе жену, которая не смогла бы продолжить его дело. Но в любом случае Кристине требуется поддержка.

– Прощу тебя присутствовать завтра на похоронах, – сказала Стаховская. – Я хотела провести закрытую церемонию, только для немногочисленных родственников и самых близких друзей, но, увы, так не получится. Смерть Владимира вызвала всеобщий резонанс, его по-настоящему любили, и я не могу запретить его поклонникам попрощаться с ним. А в первые дни нового года состоится оглашение завещания. Честно признаюсь, Владимир никогда об этом не говорил со мной, а я была уверена, что он проживет еще по крайней мере лет двадцать. Думаю, ты тоже должна присутствовать во время этого мероприятия.

Кристина обратила свой взгляд к фотографии Владимира. Стаховский, запечатленный на ней в темно-красном свитере, в очках без оправы, за столом, на котором возвышался ноутбук, улыбался.

– Мне так его не хватает, – сказала Кристина тихо. – Но я понимаю, что подлинное одиночество еще впереди. И если я буду знать, что человек, который убил моего мужа, понес заслуженное наказание, мне станет легче. Я знаю, что если поручить расследование компетентным органам, то и через десять лет они не выйдут на след убийцы. И не наемника, который подложил в самолет бомбу, а того, кто оплатил смерть Владимира. Уверена, что журналистское сообщество не смирится со смертью Володи, и я хочу приложить все усилия для того, чтобы виновные оказались на скамье подсудимых. Это не месть, а справедливое и неизбежное возмездие.

Раздалась пронзительная трель телефона, Кристина взяла трубку и методично роняла одно слово за другим, повторяя заученные фразы:

– Да, благодарю вас, конечно же, вне всяких сомнений. Да, это такой удар...

Светлана оглянулась. Она впервые была в квартире Стаховских, однако ее не оставляло ощущение, что со смертью Владимира жилище опустело. Осиротело, что ли. Она займется расследованием немедленно. Это, так сказать, миссия возмездия, и Ухтомина не откажет Кристине. Она постарается сделать все, что в ее силах.

Итак, первым и единственным подозреваемым является Константин Деканозов. У него были самые веские причины желать смерти Стаховскому, как, впрочем, и своему бывшему заместителю, готовому продать его с потрохами. Но Светлана хорошо знала, что Деканозов всегда просчитывает каждое свое действие, и вряд ли он поставил себя под удар в этом случае. С другой стороны, Деканозов отличается импульсивностью и подвержен неконтролируемым вспышкам гнева. Опасное сочетание гибкого, изощренного ума и психопатического темперамента.

– Звонил министр по делам массовой информации, выражал свою скорбь по поводу кончины Владимира. Ни слова о том, что ему известна подлинная причина катастрофы. Все словно сговорились молчать. А я этого не хочу, как не хотел бы и Владимир. Ты же знаешь, он занимался расследованием гибели своих коллег, которые стали жертвами заказных убийств. Поэтому и сам Стаховский заслуживает того, чтобы нашли его убийц.

Кристина поднялась. Светлана взглянула на часы. Почти половина одиннадцатого. Стаховская напомнила:

– Похороны состоятся в полдень. Именно в это время и взорвался самолет... Я жду тебя, Света!

Выходя из элитной многоэтажки, Светлана столкнулась в дверях с Эльвирой Долимбаровой, эстрадной дивой советских времен, которая сейчас давала в Москве несколько концертов. Долимбарова разительно похорошела и похудела, ее сопровождал молодой человек. Закутанная в серебристые меха, Эльвира, распространяя удушающий аромат французского парфюма, проскользнула мимо Светланы, не удостоив ее даже малейшим взглядом. На стоянке около дома стоял белый многометровый лимузин, скорее всего, Эльвирин. Светлана вспомнила, как Кристина говорила, что до поездки в аэропорт навещала Эльвиру в отеле. Наверняка Долимбарова приехала выразить свои соболезнования.

Светлана вдохнула полной грудью морозный воздух. Решение принято, отступать поздно. Она найдет человека, который стоит за смертью Владимира Стаховского. И пусть игра будет опасной, ей не привыкать.

Заведя «Вольво», Ухтомина отправилась в редакцию «В зеркале власти». Ее ждала масса неотложных дел.

Похороны Владимира Стаховского, которые проходили в последний день уходящего года, вначале планировались как скорбная семейная церемония, на которой присутствовали бы только самые близкие друзья и родственники. Однако все получилось совсем по-другому.

Когда Светлана подрулила к Новодевичьему кладбищу, то поразилась: у его ворот собралась масса народа. На территорию пропускали только по предъявлению приглашения. Ухтомина, показав бумагу, которую получила от Кристины, присоединилась к собравшимся на траурную церемонию, среди которых были практически только знаменитые и богатые люди. Коллеги Стаховского по журналистской деятельности, известные ведущие, несколько представителей власти, масса актеров, звезд кино и телевидения. Светлана вдруг поняла, что и сама относится к этой категории. Половину присутствующих она знала лично, о другой половине когда-то писала в статьях.

Как и сказала Кристина, похороны начались ровно в полдень. Хмурое солнце, прорезающее серые облака, из которых падал легкий снег, казалось, уже заходило, на землю легли длинные тени.

Послышались возбужденные голоса, все завертели головами. Прибыл лимузин с останками Стаховского. Кристина появилась минутой раньше, одетая в длинное черное пальто, в черном платке, который полностью скрывал ее волосы, и в темных очках. Под руку ее поддерживал крепкий старик, очевидно, отец Стаховской.

Полированный гроб почтительно несли шесть мужчин. Светлана прислушалась с гомону гостей. Те, кто стоял в первых рядах, молчали, склонив головы, другие же вовсю обсуждали страшную трагедию.

– Его убили, это точно известно, – говорила своему спутнику, известному ведущему музыкальной программы, дама, одетая в тяжелую соболью шубу. – В самолете была бомба...

– Да что вы, – поразился тот. – А ведь заявляли, что причина катастрофы в неполадке двигателей...

– Милый мой, и вы еще верите тому, что говорят по телевизору? Боже, мне ли вам рассказывать, как у нас делаются новости. Звонок сверху – и в эфир выдается удобоваримая версия.

– А известно ли, кто его заказал? – спросил музыкальный ведущий, однако ответ его спутницы Ухтомина так и не услышала, потому что взял слово генеральный продюсер одного из ведущих каналов и парочке сплетников пришлось замолкнуть.

Ухтомина протиснулась сквозь людскую толпу и оказалась на самой периферии круга приглашенных. Так она могла лучше слышать то, о чем говорят присутствующие.

– ...без всякого сомнения, уверяю вас, Полина Артемьевна, – заявлял звезда убойных сериалов, которые с триумфом шли по каналу Стаховского. – Мне это доподлинно известно, расследование все равно ничего не даст...

– Какая страшная смерть, – покачала головой его собеседница, пожилая дама, личность которой Светлане была неизвестна. Однако, судя по большому количеству бриллиантов и огромной шляпе, отороченной мехом, дама явно относилась к элите столичного общества.

– Говорят, что его убили из-за последнего расследования, которым занимался лично сам Владимир, – донесся до Светланы чей-то шепот. – Сколько раз я говорил ему, что нужно быть осторожнее, а он рвался в лидеры... Умереть всегда успеем, не так ли?

И эти люди считаются друзьями Владимира Стаховского? Светлана презрительно скривила губы. Надо же, стоят у его могилы и продолжают сплетничать о покойном. Однако ей необ-

ходимо быть в курсе последних слухов. Возможно, это выведет ее на след заказчика. Конечно, это сомнительно. Во всяком случае, теперь она точно знает – все были уверены, что за смертью Владимира стоят могущественные силы, которые он пробудил, занимаясь журналистскими расследованиями. А разве Константин Константинович Деканозов не был именно такой силой?

Светлана прислушалась к речи очередного политика, кажется, заместителя министра, который отдавал должное уму, высоким способностям и таланту бизнесмена Владимира Стаховского.

Внезапно среди гостей раздался шепот, который постепенно перерос в настоящий гул. Ухтомина оглянулась. Нет, этого не может быть! К ним шествовал не кто иной, как Константин Деканозов собственной персоной. Фармацевтический король появился в сопровождении нескольких молодчиков, один из которых нес огромный венок из орхидей и лилий.

Люди почтительно и со страхом расступались, пропуская Деканозова. Он подошел к Кристине и выразил ей свои соболезнования. Атмосфера царила напряженная. Светлана видела, как Стаховская побледнела и закусила губу, слушая Деканозова. Его охранник тем временем ловко присоединил венок с надписью «Борцу за свободу слова и поборнику справедливости» к сотне таких же, которыми была завалена могила.

– Талантливый журналист... Несмотря на разногласия, которые были между нами, я счел своим долгом... Я сожалею... Если я могу что-то для вас сделать...

Кристина ничего не отвечала, а Деканозов, тонко улыбаясь, изображал скорбящего друга.

– Вы только посмотрите, – произнес кто-то вполголоса. – Этого просто не может быть, убийца появился на могиле убитого...

– Не советую вам так громко заявлять об этом, – одернул его другой голос. – Это все нелепые слухи, вина Деканозова никем не доказана.

– Но и не опровергнута. А вы что, сомневаетесь в его причастности к взрыву?

Тем временем Константин Константинович, пожав руку Кристине, удалился. Людская стена снова сомкнулась за ним. Когда он прошел мимо Светланы, она успела бросить короткий взгляд ему в лицо. Торжество и радость, вот какие чувства испытывал Деканозов. Значит, он не отказал себе в удовольствии вбить последний гвоздь в гроб одного из своих врагов? Как же это жестоко и цинично по отношению к вдове и родственникам!

Церемония продолжалась, после короткой паузы взял слово новый оратор, который заявил, что не успокоится до тех пор, пока не будет пойман и предан суду человек, причастный к гибели Владимира. Светлана подумала, что далеко ходить не надо, этот человек только что был рядом.

Но только ли у одного Константина Константиновича были причины желать смерти журналисту? Ведь такие же причины были еще у дюжины человек.

Погребение подходило к концу, выступавшие, ежась от холода, славословили усопшего, а в задних рядах уже говорили о том, что наконец-то сейчас все отправятся в ресторан на поминальный обед. Так и произошло десятью минутами позже. Кристина, увидев Светлану, задержалась около нее. На бескровном лице Стаховской блуждала слабая улыбка, которая больше походила на гримасу боли.

– Ты видела это? – спросила она. – Деканозов заявился на похороны, и я была вынуждена говорить с ним и даже пожать ему руку. Боже мой, Света...

Отец Кристины, подхватив дочь под руку, повел ее дальше. Через несколько минут Светлана осталась одна около только что насыпанного могильного холма, заваленного цветами и венками. Вот оно, последнее пристанище Владимира Стаховского. Всего несколько дней назад он был жив и полон сил, а теперь... Когда-то давно нечто подобное произошло и с ее мамой. Светлана отмела от себя печальные мысли. Пронзительный ветер, забираясь под пальто, кусал за спину. Ухтомина собралась уже уходить, как вдруг заметила женщину, которая медленно шла по направлению к могиле Стаховского.

Она не видела эту даму среди гостей. Высокая, одетая в светло-синюю куртку, с непокрытой головой. Декабрьский ветер шевелил ее длинные рыжие волосы. Женщине было не больше тридцати, она походила на спортсменку или фанатку здорового образа жизни. Что-то в ее облике насторожило Светлану. Боже, в ее взгляде столько же горя и отчаяния, как и у Кристины Стаховской.

Но кто она, задумалась Светлана. Насколько она знала, у Стаховского вообще не было родственников. Родители давно умерли, братьев или сестер не существовало. Он происходил родом из небольшого городка на Урале. Может быть, это его дальняя родственница, кузина или двоюродная племянница? Но если так, почему она не присоединилась к общей процессии, а, дождавшись, пока все уйдут, осталась одна возле могилы.

Светлана заметила, что за странной дамой наблюдает не только она. Молодой человек, замерший метрах в двадцати, внимательно следил за посетительницей. Та положила на могилу белую розу и заплакала.

До Светланы донесся гул уезжающих автомобилей. Все отправились в ресторан. Хотя вполне возможно, многие предпочли вместо поминок поехать домой, до наступления Нового года оставались считанные часы.

– Володя, я тебя никогда не забуду, – произнесла неизвестная, которая не видела Светлану, скрытую от нее массивными надгробьями соседних могил. – Я тебя люблю, как и прежде, мой дорогой...

Вот это да! Кристина Стаховская или ни о чем не знает, или предпочитает не распространяться о том, что у ее мужа была любовница. И, по всей видимости, уже достаточно давно. Вот почему эта таинственная незнакомка предпочла появиться после завершения официальной церемонии. Ей не хотелось столкнуться лицом к лицу с женой покойного и множеством его именитых почитателей.

Внезапно к женщине, которая стояла, молча склонив голову, подошел молодой человек, наблюдавший за ней издали.

– Вы же Елизавета Георгиевна Никитина? Не могли бы вы ответить на несколько вопросов для газеты «Столичный курьер», – начал он.

Женщина вздрогнула и обернулась. Затем достала из кармана черные очки и надела их.

– Я ничего не стану вам говорить, – сказала она и зашагала прочь. Молодой человек не отставал от нее.

– Прошу вас, всего несколько вопросов, Лиза. Это ведь правда, что вы состояли в интимной связи с покойным Владимиром Стаховским... Что вам известно о его последнем расследовании...

Лиза обернулась, пронырливый журналист замер. Никитина со всего размаху толкнула его в грудь, он, зашатавшись, едва не упал.

– Отстаньте от меня, черт побери! – воскликнула она в отчаянии. – Неужели у вас абсолютно нет чувства такта? Я ничего не собираюсь вам рассказывать!

Светлана заспешила к выходу. Если эта Лиза и в самом деле была пассией Стаховского, то ей необходимо с ней поговорить. В конце концов, Кристина настаивала на том, чтобы стала известна абсолютно вся правда. Не исключено, что эта Никитина сможет вывести ее на след убийцы.

Ухтомина оказалась у выхода раньше Лизы и успела сесть в «Вольво». Если та приехала на машине, она просто поедет за ней и выяснит, где Лиза живет. Однако автомобиля у Лизы не было. Она побрела по грязному снегу. Молодой журналист следовал за ней на небольшом отдалении. Светлана медленно тронулась за странной парой. Кто этот назойливый тип? Она была знакома со многими коллегами, но его никак не могла припомнить. Что ж, неудивительно, сейчас каждый полагает, что может работать в газете или на телевидении, даже не имея должного образования.

– Да вы отстанете от меня когда-нибудь? – воскликнула Лиза, обернувшись. – Что вам надо, узнать интимные подробности? Да, я любила и продолжаю любить Стаховского. Но вам-то какое до этого дело? Прочь, пошел прочь!

Лиза побежала, затем остановилась на кромке тротуара и подняла руку, в надежде поймать машину. Светлана, не растерявшись, подрулила прямо к ней.

– Вам куда? – спросила она Лизу.

Та ответила:

– Туда же, куда и вам. Меня устроит любое направление, просто нужно как можно скорее отсюда уехать...

– Я в центр, – произнесла Светлана. – Если вам это подходит...

– Да, – Лиза хлопнула дверью. – Сколько с меня?

Светлана назвала вполне приемлемую цену. Если бы она согласилась подвезти Лизу бесплатно, та могла бы заподозрить что-то неладное. В зеркало заднего вида Ухтомина заметила, как настырный тип, увидев, что Лиза ускользнула от него, прыгнул в темно-красную «Ладу». Она запомнила номер. Нужно потом проверить, кто же он?

– Спасибо, – произнесла Лиза, устраиваясь поудобнее.

– Вы уверены, что нам по пути? – спросила Светлана. – А то смотрите, могу подбросить куда надо...

– Да, это было бы неплохо, – произнесла та. – Но вы сказали, что едете в центр...

– Без проблем, – заверила ее Ухтомина. – Вы же мне платите. Так куда вам?

Лиза назвала адрес, затем откинулась на сиденье и закрыла глаза. Она явно устала. Светлана размышляла: сейчас затевать разговор не стоит, это может спугнуть Лизу. Но и упускать ее тоже нельзя. Она наверняка многое знает. Ведь о том, что у Стаховского есть любовница, никому не известно. Если бы в тусовку просочился хотя бы малейший слух, то через неделю все бы об этом знали. А так в течение многих лет Кристина и Владимир были идеальной, если не сказать – образцовой, парой. Многие завидовали их взаимоотношениям, восхищались тем, что они не надоедают друг другу. И вот, как выясняется, это всего лишь мираж.

– Кажется, за нами следят, – сказала Светлана, убедившись, что красная «Лада» следует за ними. – Этот молодой человек, с которым вы спорили около кладбища, ваш друг?

– Вы уверены, что он следит за нами? – спросила Лиза, не открывая глаз. – Ну и черт с ним. О нет, это не друг... Моего друга сегодня похоронили...

– О, простите, – Светлана попыталась придать голосу участливые интонации. – Я не знала... Сожалею... Это такая трагедия!

– Я еще и сама не осознала, что произошло, – сказала Лиза. – Понимаете, он был для меня всем. Мы познакомились с ним совершенно случайно, столкнулись на приеме, причем в буквальном смысле столкнулись – я налетела на него, выронила бокал шампанского и облила его. Я сразу узнала его... Впрочем, это неважно. Теперь уже все неважно!

– Я знаю, что такое потерять любимого человека, – не кривя душой, сказала Светлана. – Моя мама... Много лет назад она стала жертвой разбойного нападения, но, честно признаюсь, я до сих пор не могу привыкнуть к тому, что ее убили.

Лиза, открыв глаза, взглянула на Светлану. Ухтомина краем глаза следила за попутчицей. Ей даже не тридцать, а, скорее двадцать шесть – двадцать семь. Молочная кожа, рыжие волосы, причем не крашенные, а естественного медно-красного оттенка. Продолговатые зеленые глаза, идеальные зубы. Да, у Стаховского был хороший вкус. Кристина отличалась совсем иной, какой-то холодной и недоступной красотой, Лиза же была воплощением здоровья и физического совершенства. Интересно, кто она? Спортсменка?

– Значит, вы знаете, что такое оказаться одной. Одной наедине с унынием, которое переходит в отчаяние, – сказала она. – Моего друга тоже убили, причем самым зверским образом. Увы, он был женат и, кажется, вполне счастлив в браке. Я никогда не настаивала на том, чтобы

он развелся со своей супругой. Она, насколько могу судить, тоже до безумия любит его, более того, она помогает ему в работе. Она заслужила право быть вместе с ним, как, впрочем, и я.

Светлана заметила, что Лиза говорит о Стаховском в настоящем времени. Она никак не может привыкнуть к тому, что его уже нет в живых. Это неудивительно, с момента катастрофы прошло мало времени.

– Я всегда мечтала о таком человеке, как Володя. Он был нежным и потрясающе романтическим, – произнесла Лиза с горечью. – Он обещал, что никогда не бросит меня, и не сдержал свое слово. Ушел, оставив меня одну...

– Я уверена, что его убийцу найдут, – сказала Светлана. – И вы не должны поддаваться трагическим мыслям. Уверяю, ваш Володя хотел бы, чтобы вы стойко перенесли горечь утраты.

– Возможно, вы правы, – Лиза снова откинулась на спинку сиденья. – Но я уже ничего не знаю наверняка. Мне кажется, что без него не имеет смысла жить дальше. С его смертью для меня все закончилось...

– Не говорите так, прошу вас, – Светлана испугалась. Судя по всему, Лиза находилась в депрессивной фазе, причем явно подумывала о самоубийстве. – Вы должны приложить все усилия, чтобы стать счастливой, именно этого и хотел бы ваш друг...

Лиза рассмеялась, но смех у нее вышел больше похожим на кашель.

– Почему-то все приписывают покойникам те желания и мысли, которые были им абсолютно чужды. Мертвые молчат, за них говорят те, кто остался в живых.

– Тогда подумайте о том, что смерть вашего друга должна быть отомщена, – Светлана упорно пыталась настроить девушку на позитивный лад. – Вы же сказали, что его убили, значит, вы должны приложить все силы для того, чтобы его убийца был пойман. Могу ли я спросить, что именно произошло?

Лиза, чуть помолчав, сказала:

– Его убили, и этого вполне достаточно. Убили трусливо, по-крысиному. У него была опасная работа, он знал, что постоянно рискует. Но тот, кто посмел нанести этот подлый удар... Как бы я хотела знать, кто это! Впрочем, кажется, я догадываюсь. Володя говорил...

Она снова замолчала, и все последующие попытки Светланы продолжить разговор не увенчались успехом. Ей удалось оторваться от красной «Лады», которая затерялась в потоке машин.

Наконец Лиза попросила ее высадить около высотного шестнадцатизэтажного здания. Она заплатила и вышла во двор. Странное дело, Светлана увидела во дворе дома припаркованную красную «Ладу». Номер совпал с тем, что она запомнила. Значит, тот молодой человек прекрасно знает, где живет Лиза. Но самого журналиста нигде не было видно.

– Спасибо, – сказала Никитина.

– Желаю вам всего хорошего, – ответила Светлана.

Лиза хлопнула дверцей и побрела к дому. Ухтомина дождалась, пока она скроется в подъезде, и задумалась. Теперь она знает, где живет любовница Стаховского, однако разговора у них не получилось. Нужно подождать несколько дней. Затем она навестит Лизу и попытается получить от нее информацию. Девушка упомянула о том, что Владимир говорил ей что-то, возможно, именно о расследовании, связанном с концерном Деканозова.

Светлана отправилась домой. Было почти половина пятого. Предстояла встреча Нового года. Игорь отправился с женой и сыном на Средиземное море, Олег, увлеченный очередной красоткой, сказал, что заглянет к отцу и сестре в начале января. Это был уже не первый праздник, который Светлане приходилось встречать вместе с Геннадием Петровичем. Он намекал дочери, чтобы она обзавелась если не семьей, так хотя бы поклонником, но у Светланы ничего не получалось. Уже через несколько дней она начинала сравнивать своего мужчину с отцом и каждый раз убеждалась, что Геннадий Петрович лучше ее поклонника. Он был настоящим

мужчиной, свидетельством тому являлось множество правительственных наград за поимку опасных преступников, несколько раз он подвергал свою жизнь смертельному риску.

Когда Света прибыла домой, праздничный ужин был уже почти готов. Геннадий Петрович как раз поставил в духовку пирог с персиками. По квартире разлился потрясающий аромат. Отец умел и любил готовить.

– Ну что, Света, желаю тебе новых успехов в грядущем году, – сказала Геннадий Петрович, когда они вдвоем оказались за праздничным столом. Он поднял бокал с шампанским. – Всего тебе наилучшего, дочка!

Как всегда, под бой курантов Светлана загадала желание. Эта привычка сохранилась у нее с детства. Она пожелала себе раскрыть два преступления – смерть Владимира Стаховского и собственной матери, Татьяны Ухтоминой.

Светлана, встретив с отцом Новый год, села за компьютер. Ее ждала вторая статья о Деканозове, которая должна появиться в первом выпуске этого года. Она не любила праздники, они навевали на нее скуку. Хотя Ухтомина отдавала себе в этом отчет, так происходило оттого, что она была одинока, и рядом не было человека, который мог бы расцветить ее жизнь яркими красками.

– Прошу вас, проходите. – Высоченный охранник, посторонившись, пропустил Светлану в выложенный зеленоватым мрамором холл. Она находилась в юридической конторе адвокатской фирмы «Севастьянов и партнеры». Борис Севастьянов был одним из самых известных столичных адвокатов. Именно у него находилось завещание Владимира Стаховского, оглашение которого было назначено на пятое января.

Светлана прошла в просторный конференц-зал, в котором уже расположилась Кристина Стаховская. Вдова приветливо встретила Светлану. Помимо них, в зале находились еще несколько человек, как поняла Ухтомина, родственники Кристины и деловые партнеры Владимира. Последней в зал вошла Лиза. Она была в джинсах и грубой вязки бежевом свитере, рыжие волосы тщательно собрала в хвостик.

Вслед за ней появился Борис Севастьянов. Адвокат, произнеся стандартные фразы о том, что выражает вдове свои самые искренние соболезнования, перешел к сути дела:

– Как вам известно, я являюсь душеприказчиком Владимира Сергеевича Стаховского. Это значит, что на меня возложены функции по претворению в жизнь его последней воли, изложенной в завещании. Вот оно.

Он положил на массивный стол из дуба большой конверт, который был запечатан и надписан.

– Владимир Сергеевич был моим близким другом, о его безвременной кончине я безмерно скорблю. Он составил это завещание полгода назад, а именно, 19 июля прошлого года. Я не в курсе его посмертных распоряжений, заверенных нотариусом, однако он настоял на том, чтобы именно я зачитал его завещание в присутствии следующих лиц...

Светлана повернула голову. Лиза, примостившаяся в самом дальнем кресле, надела очки в тонкой металлической оправе. Девушка выглядела чуть более живой, чем при первой встрече, скорее всего, она начала приходить в себя и осваиваться с мыслью о том, что Владимира больше нет в живых.

Адвокат тем временем зачитал список имен тех, кто был так или иначе отражен в завещании Стаховского. Мелькнуло имя Никитиной Елизаветы Георгиевны.

– Что же, все эти лица были оповещены мной заранее о том, что прочтение завещания состоится сегодня, пятого января 2004 года, в тринадцать часов. Те, кто хотел принять участие в этой процедуре, прибыли в мой офис. Теперь я задаю вопрос присутствующим: не возражают ли они, что во время оглашения завещания здесь будут находиться посторонние лица?

Светлана поняла, что этот намек относится в первую очередь к ней. Кристина, сочтя, видимо, что вопрос адресован именно ей, произнесла:

– Эта дама мое доверенное лицо, так что прошу вас, Борис Иосифович, продолжайте.

Светлана снова обернулась. Лиза, без сомнения, узнала ее, но не подала виду. Надо же, какая незадача. Ухтомина и представить не могла, что Стаховский упомянул в завещании свою любовницу. Судя по тому, как вела себя Кристина, она понятия не имела ни о том, что у Владимира была пассия на стороне, ни о том, что этой женщине что-то достанется. Светлане стало интересно – насколько щедр оказался покойный журналист?

– Ну что ж, – произнес адвокат. – Если все присутствующие согласны, то я приступаю к оглашению завещания Владимира Сергеевича Стаховского, составленного и заверенного 19 июля прошлого, 2003 года.

Севастьянов неспешно позолоченным ножиком надрезал конверт, вытащил документ, который занимал несколько страниц.

В зале воцарилась тишина. Светлана посмотрела на Кристину. Вдова, вся в черном, даже на запястье у нее загадочно переливались черные камни, вероятно, редкие бриллианты, была напряжена и собранна. Лиза Никитина, напротив, казалось, погрузилась в посторонние мысли.

Прокашлявшись, адвокат начал читать:

– «Я, Владимир Сергеевич Стаховский, находясь в трезвом уме и твердой памяти, настоящим объявляю свою последнюю волю, которая является моим завещанием. Исполнителем всех действий по данному документу я назначаю с его любезного согласия главу адвокатской фирмы «Севастьянов и партнеры» Бориса Иосифовича Севастьянова, моего доброго друга и замечательного юриста...»

Ухтомина продолжала наблюдать за присутствующими. Надо же, Лиза на самом деле не так уж бесстрашна и погружена в нирвану – девушка теребила крошечный кружевной платочек, который сжимала в кулачке.

– «В обязательном порядке надлежат быть выплаченными все мои долги и исполнены все финансовые обязательства, которые имеются на момент моей смерти. После этого все мое движимое и недвижимое имущество делится между следующими лицами...»

Светлана услышала, как отец Кристины, неотлучно находившейся при дочери, глубоко вздохнул. Наверняка он рассчитывал, что его дочь, как законная жена Стаховского, получит все. Однако Владимир решил иначе. Сама Кристина походила на статую, такая же неподвижная и мраморно-бледная.

– «Принадлежащие мне активы в холдинге «ВластЪ» в равной степени, а именно по пятьдесят процентов, получает моя супруга, Кристина Алексеевна Стаховская, и мой сын, матерью которого является Галина Одинцова...»

Кристина вздохнула, причем так громко, что адвокат, прервав чтение, вопросительно взглянул на вдову.

– Кристина Алексеевна, вы хотите что-то сказать? Или я должен сделать паузу?

– Моей дочери требуется минеральная вода, – сказал отец Кристины. – Прошу вас!

Кристина, отказавшись от бокала с водой, поднесла к лицу руки, затем, успокоившись, произнесла тихим голосом:

– Борис Иосифович, эта последняя фраза... Я не понимаю, о чем идет речь. Владимир никогда не говорил мне, что у него имеется сын...

– Кристина Алексеевна, ничего не могу поделать, – словно извиняясь, сказал Севастьянов. – Но, если вы разрешите, я продолжу. Далее есть обращение именно к вам по этому поводу.

– «...Для разъяснения ситуации я прикладываю к завещанию письмо, адресованное моей жене Кристине, которое должно быть передано ей лично в руки».

– Вот оно, – Борис Иосифович вынул из большого пакета сложенный конверт поменьше, светло-желтого цвета. – Вы его получите, Кристина Алексеевна, как только прочтение завещания будет завершено.

Та кивнула, и оглашение завещания Владимира Стаховского продолжилось.

«...квартиру в Москве по адресу, указанному в приложении, а также сто пятьдесят тысяч американских долларов я оставляю Елизавете Георгиевне Никитиной. Все мое недвижимое имущество, равно как и денежные счета, номера которых указаны в приложении, я завещаю свое супруге, Кристине Стаховской...»

На этот раз никто не прервал чтение последней воли покойного, однако, улучив момент, Светлана взглянула на Лизу. Та победоносно улыбалась, как будто только и ждала этих слов. Что ж, Стаховский оставил ей весьма приличное наследство.

Далее последовали распоряжения журналиста, которые касались ценных бумаг, вкладов в нескольких банках, драгоценностей. Их также получила Кристина, однако кое-что было завещано фонду, на основании которого было выделено полмиллиона долларов. Этому фонду предписывалось заботиться о свободе слова в России, ежегодно должны вручаться три награды – лучшему и наиболее независимому журналисту печатного издания, ведущему телевизионной программы и аналитику на радио.

Детали заняли еще примерно сорок минут, после чего Борис Севастьянов, положил на стол бумаги и сказал:

– Дамы и господа, таковы были посмертные распоряжения Владимира Сергеевича Стаховского. Напоминаю вам, что вы имеете право отказаться от наследства в установленный законом срок. Я, как адвокат Владимира, приложу все усилия для того, чтобы фонд, о котором шла речь в завещании, был создан как можно скорее. Благодарю всех за внимание!

Гости загудели, Кристина, повернувшись к отцу, произнесла:

– Папа, вот это да, я прожила с Владимиром почти восемь лет, однако, выходит, я не знала этого человека. Боже мой, у него имеется ребенок, и он оставил какой-то особе квартиру и кучу долларов. Но почему?

– Потому что, моя дорогая, он меня любил, – провозгласила Лиза, которая слышала реплику Кристины. – Запомни, Стаховский обещал, что разведется с тобой и женится на мне.

– Я вам не верю, – холодным тоном произнесла Кристина. – То, что Владимир мне изменяет, не новость для меня, но он никогда бы не развелся со мной. И знаете почему? Потому что он ценил умных женщин, к которым вы, как я вижу, совсем не принадлежите. Я не собираюсь оспаривать завещание, вы получите, как того и хотел мой муж, – четырехкомнатную квартиру и сто пятьдесят тысяч. Надеюсь, вы удовлетворены?

Деловой тон Кристины и полное отсутствие в ее словах злобы и ненависти резко контрастировали с желчными высказываниями Лизы. Никитина, поднявшись из кресла, сказала:

– Вот и хорошо. Пока!

Она шагнула в коридор, Светлана, извинившись, последовала за ней. Лиза задержалась в мраморном холле, чтобы зажечь сигарету.

– А ты, оказывается, на стороне Кристины, – обратилась к ней Лиза. – Ну и ну, а я-то думала, что моим горем бескорыстно интересуется посторонний человек. А ты была ее шпионкой. И сколько же она обещала тебе заплатить?

– Ровным счетом ничего, – произнесла Ухтомина. – Лиза, я думаю, нам надо поговорить...

– Зато я так не думаю, – возразила та, застегивая куртку. – И что вы ко мне пристали? Хотите знать правду? Я же вам тогда в машине сказала, что люблю Володю. Как видите, я ему тоже была небезразлична. Он не собирался разводиться с Кристиной, зря я это сказала, но она меня почему-то бесит. Думает, что обладает исключительным правом скорбеть по моему Володе и заявлять во всеулышанье, что является его единственной женщиной. Это не так.

Владимир изменял не только ей, он изменял и мне. Но это ничего не меняет... А у него, оказывается, имеется сын! Вот это неожиданность для Кристины. Владимир сделал его своим наследником, надо же...

За прошедшие дни Светлане удалось навести справки. Елизавета Никитина, двадцати шести лет от роду, была в прошлом профессиональной спортсменкой, занималась фигурным катанием. Девушка подавала большие надежды, выиграла чемпионат Европы среди юниоров, однако затем произошло непоправимое – она сломала ногу, причем так неудачно, что о продолжении карьеры на льду уже не могло быть и речи. Она занялась плаванием и, хотя не достигла в этом виде спорта таких же больших высот, как в фигурном катании, все равно приобрела достаточную известность.

– Я занимаюсь расследованием причин гибели Владимира, – сказала Светлана. Лиза ей нравилась. Она была открытой и неспособной к интригам. Во всяком случае, производила впечатление такого человека. – Я думаю, вы сможете мне помочь в этом. Вы же хотите выяснить, кто стоит за гибелью Стаховского?

– Конечно, хочу, – согласилась Никитина. – Но что-то мне подсказывает: это очень запутанное дело. Это Кристина поручила вам расследование? Когда вы подвезли меня с кладбища, я еще голову ломала, где же могла вас видеть. А теперь вспомнила – несколько месяцев назад вы выступали по телевидению в политическом ток-шоу. У меня хорошая память на лица. Значит, вы собираетесь вычислить убийцу Володи... Ну что же, рада буду помочь вам.

В холл вышла Кристина в сопровождении отца и небольшой свиты. Лиза, потушив сигарету, произнесла:

– Черт, я вовсе не хочу сталкиваться со Стаховской нос к носу. Пусть живет сама по себе. А то еще затеет дружбу, а мне это вовсе не надо. В общем, ты помнишь, где я живу? Я оставлю тебе свой домашний телефон. Звякни завтра вечером, я найду время для тебя. Может, заглянешь в гости. Я так хочу, чтобы смерть моего льва не осталась неотомщенной...

– Почему ты называешь его «мой лев»? – спросила Ухтомина.

Спортсменка, уже направляясь к выходу, обернулась и заметила:

– Потому что это он попросил меня. Лев – царь зверей. Клички Пупсик или Рыбонька применительно к Володе были бы верхом идиотизма. Он ведь на самом деле похож на льва. На льва, которого убил выстрел охотника. Я тебя жду. Мне есть что рассказать, но не сейчас...

Светлана проводила Лизу до выхода. Та отправилась пешком к станции метро, Ухтомина вдруг заметила, что за ней, на небольшом отдалении, следует красная «Лада». Та самая, что принадлежала пронырливому молодчику, вымогавшему у Никитиной интервью на кладбище. Светлана проверила номер: автомобиль был зарегистрирован на имя некоего Павла Александровича Резниченко, который работал в массовом бульварном листке «Столичный курьер». Он что, пишет репортаж о Владимире Стаховском и его внебрачных связях? Почему он преследует девушку?

– Света, ты можешь проводить меня в офис? – спросила Кристина. Ухтомина согласилась. Они прошли к «Мерседесу» с тонированными стеклами, расположились на заднем сиденье.

– Вот она, правда о его сыне, запечатанная в конверт, – сказала Кристина, когда они тронулись в путь. – Я до сих пор не могу прийти в себя. Владимир оказался совсем другим человеком, только теперь я понимаю, что ничего о нем не знаю... Ты заметила, что на оглашении завещания не было ни единого родственника Володи? У него их просто нет... И на нашей свадьбе, впрочем, она была очень скромная и без всяких церемоний, тоже никто не появился. Володя сказал мне, что его родители давно скончались, а братьев или сестер у него нет. И я всему верила. Как верила тому, что он допоздна задерживается на работе. На самом деле, как я теперь подозреваю, он проводил время у своей любовницы.

Кристина разорвала конверт, который оставил ей Стаховский, и углубилась в чтение послания. Прошло несколько минут. Хмыкнув, Кристина протянула письмо Ухтоминой.

– Уверена, что уже сегодня вечером многие средства массовой информации сообщат о том, что произошло во время оглашения завещания, и о последней воле Владимира. Его имя снова будут трепать, он же не предполагал, что умрет так рано. Если тебя это интересует, можешь ознакомиться. Тут нет ничего сенсационного и разоблачительного!

Светлана просмотрела письмо. Кристина права: Владимир, извиняясь перед женой за новость, которую та узнала, сообщал, что много лет назад состоял в интимной связи с некой Галиной Одинцовой, женой крупного военачальника. Впрочем, их роман был мимолетен, они расстались, однако Владимир знал, что Галина была от него беременна. Одинцова, по словам журналиста, затем исчезла. Он пытался найти ее, но его попытки не увенчались успехом. Однако через несколько лет они совершенно случайно столкнулись в метро. Состоялся мимолетный разговор, из которого Стаховский узнал, что у него есть ребенок. Одинцова отказалась дать Владимиру возможность увидеться с ребенком, сказала, что не желает, чтобы ее муж узнал правду. Галина добавила, что они с мужем собираются в ближайшее время уехать из Москвы. Стаховский исходил из того, что его сын, которому, по его расчетам, было уже около тридцати, ничего не знает о своем происхождении. Галина, как он уверен, действительно переехала в другой город. И вот теперь Владимир просил Кристину найти его сына.

– Значит, в нем проснулись отцовские чувства, – сказала Стаховская. – И он оставил молодому человеку, которого ни разу не видел в глаза и о котором слышал только от его матери, половину своих активов в холдинге. Просто смешно! Это же огромная сумма, она исчисляется десятками миллионов! И их унаследовал непонятно кто, человек-призрак, тень из прошлого Владимира. И как мне теперь быть?

– Нанять детектива, который мог бы разыскать этого сына и Галину Одинцову, – ответила Светлана. – Это будет самым разумным решением. Ты не обязана этого делать, на тебя не возложена обязанность разыскивать потенциальных наследников. Но я подозреваю, Кристина, что ты сама хотела бы познакомиться с сыном Владимира.

Стаховская, сняв темные очки, за которыми скрывались опухшие от слез глаза, ответила:

– Да, в этом ты права. Владимир даже после смерти остался журналистом экстра-класса, заинтриговал всех дальше некуда. Поверь, я вовсе не стремлюсь, как утверждают некоторые, получить полный контроль над холдингом. Более того, я думаю о том, чтобы продать свою часть акций, так как понимаю: вряд ли я смогу управлять им так же эффективно, как это делал Владимир. Хотя друзья мне советуют продолжить начатое им дело, и я не могу предать его память. Этот холдинг был его детищем. Он всегда говорил, что если господу угодно лишить его наследника, то пусть останется хотя бы слава. А на самом деле он тогда знал, что у него где-то есть ребенок. Надо же, этот парень чуть младше меня. И наверняка не подозревает о том, что его отец – Владимир Стаховский, иначе бы давно уже объявился, ведь вся страна последние дни только и говорит, что о катастрофе во Внукове. Мне было бы любопытно взглянуть на него. Что он собой представляет, похож на Володю или нет? И, в конце концов, что он собирается делать со столь неожиданно свалившимся на него богатством? Ведь согласишься, Света, половина акций холдинга позволит ему в одночасье стать миллионером и полностью изменить привычный образ жизни.

Кристина продолжала монолог. Ухтомина понимала, что для Стаховской главное сейчас выговориться, и сама Света была для нее чем-то вроде доморощенного психоаналитика – нужно только слушать и поддакивать.

– Я боюсь, что у молодого человека, которого я рано или поздно найду, закружится голова от такого богатства. И кем он окажется? Возможно, плейбоем, который пустит на ветер все деньги и наплюет на память отца? Это был бы наихудший вариант. А что ты думаешь об этой девице в куртке, которая оказалась любовницей моего мужа? Оставил ей квартиру и еще сто

пятьдесят тысяч наличными. Тоже неплохой куш. И за что? Только за то, что она была вместе с ним? Я прекрасно знала, каков Владимир. Он никогда не клялся мне в верности, но много раз повторял, что любит меня и я единственная, кого он представляет в качестве своей жены.

Светлана проводила Кристину до офиса. Там они выпили по чашке кофе. Кристина, которая, как видела Ухтомина, все еще находится под гнетом смерти Владимира, решила приняться за работу и временно возглавить холдинг – до внеочередного собрания акционеров.

– Ты ведь сама журналист и представляешь, что есть на самом деле империя, которую создал Владимир. Я далеко не уверена, что справлюсь с такой сложной задачей, как руководство телевизионным каналом, несколькими еженедельниками, газетами, радиостанцией. У меня, зачем скрывать, нет к этому таланта, которым обладал Володя. Однако если я и собралась продать свой пакет акций, то его новый хозяин должен быть таким же, как Стаховский. И вот теперь выясняется, что никому не известный молодой человек обладает правом голоса. Мне страшно, Света. Я боюсь, что он в погоне за прибылью разрушит начинания Владимира, и тогда... Я даже не хочу думать о том, что владельцем холдинга станет тип наподобие Деканозова. Кстати, тебе удалось узнать что-то новое о Константине Константиновиче?

– Пока нет, его охраняют, как американского президента, – ответила Ухтомина. – Однако в ближайшие дни я смогу получить кое-какие сведения по своим каналам. Мне только известно одно его высказывание. Деканозов пожелал всем своим сотрудникам, чтобы и они так же легко избавлялись от своих врагов и недоброжелателей, как он сам.

Кристина звякнула ложечкой о край чашки и сказала:

– Он торжествует, это же очевидно! Видела бы ты его глаза, когда он приносил мне свои соболезнования на кладбище. И еще венки, который его охранники возложили на могилу Володи. Это было подлинным издевательством, настоящим фарсом. Он пришел, чтобы продемонстрировать свое торжество. Я просмотрела Володины записи, которые он вел по последнему расследованию, связанному с Деканозовым. Там фигурирует некий проект «Фарма-Стикс». Известно тебе о нем что-то?

Светлана произнесла:

– Увы, об этом я не могу сказать ничего определенного. О проекте, который засекречен получше, чем разработка водородной бомбы, мне уже доводилось слышать, но никто конкретно не знает, что на самом деле скрывается за непонятным названием. Одни говорят, что Деканозов, втихую и нарушая всяческие конвенции и Уголовный кодекс, производит химическое и даже бактериологическое оружие; другие уверены, что в лабораториях концерна «Парацельс» вовсю идет клонирование человеческих клеток; третьи заявляют, что на самом деле Деканозов нашел способ производства дешевого и совершенно нового наркотика, по сравнению с которым все существующие не больше, чем лебеда. В любом случае все слухи едины в одном: Константин Константинович занимается чем-то чрезвычайно прибыльным и неблагоприятным. Только угроза разоблачения и потери больших денег могла вынудить его пойти на такой серьезный шаг, как убийство. Впрочем, уже несколько человек, которые так или иначе мешали его планам, стали жертвами так и не раскрытых покушений, несчастных случаев и разбойных нападений.

– Спасибо тебе, Света, за то, что ты взялась за расследование, – сказала Кристина. – Я размышляла над тем: кто бы мог пронести бомбу в самолет? Этим предателем был кто-то из своих, из людей, которых Владимир и я считали друзьями и соратниками. Знаешь, какая у меня мелькнула мысль? Если бы не звонок Владимира всего за час до вылета, я бы наверняка была бы вместе с ним на борту самолета. И мне не удалось бы избежать смерти. И тогда бы у холдинга был только один наследник – этот мифический и таинственный молодой человек, сын Владимира и Галины Одинцовой. И я думаю... нет, я не имею права так думать о человеке, которого никогда не видела и о котором ничего не знаю, но мне кажется, Света... Почему мы решили, что он ничего не подозревает о своем происхождении? Вполне возможно, что мать

рассказала ему обо всем. Или, предположим, он каким-то образом выяснил это сам. В конце концов, мать могла умереть и оставить сыну письмо с разъяснением всех семейных тайн, как это сделал Владимир. И что тогда? Из обыкновенного человека он превращается в наследника миллионов. Такое может вскружить голову любому. Я не думаю, точнее, не хочу думать, что сын Володи как-то причастен к его гибели. Но на такую мысль меня натолкнуло исчезновение одного из наших телохранителей.

Светлана насторожилась. Об этом Кристина раньше не упоминала. Стаховская продолжала:

– Из-за угроз, которые в последнее время стали поступать в адрес Володи регулярно, он нанял охранников. Один из них, его, кажется, звали Слава, исчез на следующий день после катастрофы самолета. Мне было не до телохранителей в первые дни, поэтому его исчезновение я заметила только позавчера. Он не уволился, а просто сбежал. И у меня возникло подозрение, что это бегство было им спланировано заранее – он что-то знает о смерти Володи, и, возможно, что-то важное. А теперь, когда мне стало известно о существовании сына, я вдруг задумалась – а что, если этот Слава и был сыном Стаховского? Он проник в окружение отца, чтобы... Чтобы поближе узнать его, и, возможно, потом задумался над тем, что все Володино богатство могло бы принадлежать ему.

– Ты сообщила об исчезновении этого типа в милицию? – задала вопрос Ухтомина.

Кристина горько усмехнулась:

– О чем ты говоришь, Света! Что они могут сделать, неужели они бросятся на поиски этого Славы? Он ведь ничего у меня не украл, мои подозрения ничем не подтверждены. Скажут – парень понял, что его услуги больше не понадобятся в связи с гибелью нанимателя, и решил таким образом распрощаться. Но, может быть, я все выдумываю...

Кристина обхватила голову руками, Ухтомина сказала ей успокаивающим тоном:

– Ты не должна впадать в истерику и поддаваться панике. Исчезновение телохранителя может стать многообещающей линией расследования. Были ли у него друзья среди других охранников, например? Что говорят о нем в агентстве, через которое Владимир нанимал этого Славу? В конце концов, у него есть адрес и телефон.

– Вот и хорошо, Света, я рада, что ты так уверена в успехе, займись, прошу тебя, всем этим, – произнесла Кристина. – Ты ведь не бросишь меня? Мне так нужна твоя поддержка. Я рассчитываю на тебя, Света.

– Да не беспокойся, – сказала Ухтомина. Кристина и в самом деле выглядела растерянной и озадаченной. – В любом случае к поиску сына Владимира тебе следует подключить детектива, это самый надежный и быстрый вариант. Хотя я уверена, что Володя и сам это делал, он же упомянул в письме, что у него ничего не вышло. Это не значит, что и ты потерпишь фиаско. А я займусь исчезнувшим телохранителем. Нам нужно побыстрее выяснить, имеет ли это отношение к смерти Владимира или нет. Если нет, то мы можем забыть об этом Славе.

– Ты единственный человек, которому я могу доверять, – сказала Кристина. – Мои родители как с ума сошли. Требуют от меня невозможного, уверены, что владелицей всего холдинга должна быть я. А я этого боюсь, не хочу. О, если бы Володя не сел в тот самолет...

Светлана попросила Кристину подготовить ей все документы, которые имелись на пропавшего телохранителя, и, забрав тонкую папку, отправилась в редакцию. Там, расположившись за своим столом и не замечая гомона, царившего в помещении, она углубилась в изучение личного дела Вячеслава Винокурова, который был в течение трех с половиной месяцев одним из телохранителей Стаховского. На первый взгляд ничего подозрительного. Предоставлены рекомендации солидной фирмы, молодой человек отслужил в армии и участвовал в нескольких вооруженных конфликтах. С фотографии на Светлану смотрел плотный лысеющий блондин с тяжелой челюстью и маленькими, близко поставленными глазами. Тридцать лет, не женат,

высшего образования нет... Ничего подозрительного, если не считать его бесследного исчезновения.

Однако спустя полчаса она уже не была так в этом уверена. В элитном агентстве «Закон и порядок», по рекомендации которого Винокуров получил место у Стаховского, ничего не знали о Вячеславе. Светлана съездила в офис охранной фирмы и убедилась, что Винокуров подделал рекомендательное письмо, анкету и, скорее всего, сам от лица главы агентства направил факс Стаховскому и говорил с ним по телефону.

Ухтомина поняла: возможно, это именно тот след, который она искала. Зачем Винокурову, если у него не было преступного замысла, устраиваться на работу к Стаховскому, подделав кучу бумаг.

Светлана потратила остаток дня и узнала, что Винокуров, который проживал на съемной квартире, вернулся домой в день убийства Стаховского взволнованный. Его видела соседка, любопытная пенсионерка, которая давно из-за отсутствия других занятий шпионила за обитателями подъезда. Она выложила Ухтоминой кучу ненужной информации, однако Светлана смогла вытянуть из нее и кое-что полезное.

– Он был очень странным, этот парень. Я-то думала, когда он въехал, что пойдут сплошные вечеринки и дискотеки, но ничего подобного. Жил обособленно, замкнуто. Со мной не здоровался, – рассказывала соседка.

Видимо, последнее обстоятельство задело ее больше всего. В тот день соседка, мимо которой Винокуров пробежал, не здороваясь, видела потом из окна своей квартиры, как он с небольшой сумкой на плече покинул дом через полчаса.

– Он спешил, все время поглядывал на часы. Я еще подумала – отпуск, что ли, у него начался и он улетает под Новый год отдыхать? А что с парнем произошло, он преступник?

Светлана изобрела вполне правдоподобную версию – якобы она ищет своего брата, который покинул семью несколько лет назад. Она показала соседке фотографию Винокурова, та энергично закивала головой:

– Ну да, это он.

И вот прошло уже почти две недели, а его нет и нет.

Значит, Винокуров на самом деле сбежал. Странно, почему весть о гибели Стаховского так испугала и взволновала его? Неужели он имеет прямое отношение к взрыву самолета. У него была возможность проникнуть в салон и подложить бомбу. Но как-то все это не вяжется с тем представлением, которое сложилось в голове у Светланы. Тот, кто убил Стаховского и Барабаша, тщательно планировал эту акцию. Будь Винокуров убийцей, он бы, наоборот, остался бы на месте, проработал бы еще несколько месяцев и затем уволился, не вызывая подозрений. А так его исчезновение похоже на признание в совершении преступления. Впрочем, все может быть гораздо более запутанно. Винокуров только после взрыва мог понять, что кто-то его использовал в собственных преступных целях. И, испугавшись, что козлом отпущения станет он сам, решил удариться в бег.

Поздно вечером, размышляя над фактами, Светлана обратила внимание на деталь, которая до этого ускользала от ее внимания. Вячеслав Михайлович Винокуров появился на свет, как гласила его анкета, 31 мая 1973 года в уральском городке Усть-Кремчужный. И где же она раньше слышала это затейливое название? Так и есть, именно в этом городке восемнадцатью годами ранее родился и Владимир Стаховский.

Кристина наверняка бы упомянула о том, что Винокуров, как и ее муж, являются земляками. Она не сказала об этом по одной причине – потому что не знала. Как, скорее всего, и сам Стаховский. Но каким образом Винокуров, оказавшийся в столице в поисках заработка, узнал о человеке, который, как и он сам, происходит из никому не известного небольшого городка за тысячи километров от Москвы, а потом приложил все усилия, чтобы устроиться к Стаховскому на работу. Не прошло и четырех месяцев после этого – Владимир стал жертвой

убийства. Причастен ли к преступлению Винокуров? Если нет, то чем объясняется его бегство и поддельные рекомендации? Он прибыл с малой родины Стаховского, и, вполне возможно, именно в этом и заключались ответы на вопросы Светланы. Ну что же, она обязательно постарается выяснить, что же общего между Винокуровым и Стаховским.

Усть-Кремчужный, население около восьмидесяти тысяч, имеет фабрику по обработке аметистов, расположен в живописной местности, если судить по блеклой черно-белой фотографии в энциклопедии...

Следующий день пролетел мгновенно, Светлана не успела заметить, как наступил вечер. Она набрала номер Лизы Никитиной, та сняла трубку на пятом гудке.

– А, это вы. Ну что ж, если не раздумали, то можете заглянуть ко мне. Прямо сейчас, я буду вас ждать. Номер дома помните? Квартира на девятом этаже, сто двадцать один. И запишите код.

Светлана, недолго думая, собралась в путь. Не исключено, что Лиза что-то знает, и эта информация поможет выйти на след человека, который виновен в гибели Стаховского. Чем больше Ухтомина занималась этим делом, тем тверже верила: так быстро, как этого хотелось ей и Кристине, она не выйдет на истинный след. Мотивы были у многих. Хотя бы у того же Деканозова, но наличие мотива, как убеждалась не раз Светлана, никогда не было доказательством вины.

Она добралась до квартиры Лизы в начале одиннадцатого. На улице давно сгустилась тьма, начался снегопад, который затруднял движение и создавал автомобильные пробки. Светлана припарковала «Вольво» около дома, набрала код, прошла в подъезд. Лифт спускался вниз, его двери со скрежетом распахнулись, и из освещенной кабины ей навстречу шагнул молодой человек – тот самый, журналист Павел Резниченко, который преследовал Никитину на кладбище и около офиса адвоката после оглашения завещания. На Светлану он не обратил внимания, однако ей бросилось в глаза, что он чрезвычайно взволнован. Что он мог здесь делать? Скорее всего, попытался снова взять интервью у Лизы. До чего же настырный тип! Ухтомина не любила журналистов, которые в погоне за дешевой сенсацией готовы перевернуть чужую жизнь и влезть к объекту своего расследования даже через окно.

Светлана вышла на девятом этаже, света на лестничной площадке не было. С трудом разобрав таблички с цифрами, она замерла около железной двери. Та была приоткрыта. Из щелки на пол падал желтый мертвенный свет. Светлана позвонила, прошла минута, однако она ничего не услышала. Ухтомина позвонила еще раз, но и на этот раз реакции не последовало.

Она задумалась. Лиза ждала ее, она никуда не могла уйти, тем более у Никитиной только что был этот Резниченко из «Столичного курьера». Вероятно, Лиза, выставив его вон, думает, что он снова атакует ее квартиру, чтобы добиться злосчастного интервью.

Однако почему дверь приоткрыта? Полная дурных предчувствий, Светлана толкнула дверь, и та распахнулась.

– Лиза, это я, Светлана, вы дома? – спросила она, проходя в коридор. Никто не ответил. Ухтомина отметила, что обстановка в квартире Лизы шикарная, явно кто-то – и этим кем-то наверняка был Стаховский – не жалел денег на роскошную мебель и шелковые обои. Спортсмены так не живут, если они, конечно, не олимпийские чемпионы. А Лиза не принадлежала к их числу, она работала инструктором по плаванию и тренером в фитнес-студии.

– Ау, Лиза, мы же договорились с вами о встрече, неужели вы забыли? – спросила Светлана, заглядывая в кухню. Никого. Хотя налицо признаки того, что Никитина была дома всего несколько минут назад – на плите кипел чайник, шумела посудомоечная машина, а дверца холодильника распахнута.

Светлана вздрогнула, когда услышала легкие, почти бесшумные шаги. Сердце забило с утроенной силой, она обернулась. Надо же, это всего лишь кошка, большая, черно-белая.

– Ну что, киска, может быть, ты знаешь, где твоя хозяйка. Она что, выскочила к соседке за солью? – погладив кису, спросила Светлана. Та в ответ замурлыкала и улеглась на спину.

Светлана решила заглянуть в жилые комнаты. В спальне никого. Ухтомина отметила зеркала на потолке. В кабинете – работающий компьютер. Ухтомина дотронулась до «мышки», заставка с замком исчезла, на экране возникла детская стрелялка. Надо же, вот чем занимается Лиза...

В гостиной на стене она заметила огромную фотографию Стаховского, такую же, как в квартире Кристины. Не сговариваясь, женщины выбрали одно и то же изображение любимого мужчины. Ухтомину угнетала давящая тишина. Но что же произошло с Лизой, почему никто не откликается?

Она заглянула в ванную. Прозрачный занавес был задернут, слышалось журчание воды. Светлана увидела следы крови на белой кафельной плитке, которой был выложен пол.

Светлана подошла к прозрачному занавесу с разноцветными рыбками. Она видела, что на дне ванны кто-то лежит. Она отдернула занавеску, понимая, что уже слишком поздно.

Лиза, облаченная в спортивный костюм, лежала в ванне, сверху на нее падала струя воды, которая, смешиваясь с кровью, убегала в водосток. Никитина была мертва, Светлане хватило всего одного взгляда, чтобы убедиться в этом. Кто-то нанес ей несколько ранений в грудь и шею.

Светлана все же дотронулась до руки девушки в надежде нащупать пульс. Но это было бессмысленно. Глаза Лизы были приоткрыты, взгляд, как у куклы, остекленевший и погасший. Левая рука, на которой она лежала, была неестественно вывернута, рыжие волосы мокрыми прядями прилипли к лицу.

Пульс не прощупывался, но рука была теплой. Значит, смерть наступила не так давно. Светлана вспомнила молодого человека, с которым столкнулась у лифта. Неужели этот Павел Резниченко убил Никитину? Но зачем ему это? Хотя, если поразмыслить, он все время крутился около Лизы.

На полочке, заставленной бутылочками с шампунем, гелем, солью для ванн, лежал кухонный нож с окровавленным лезвием. Светлана протянула руку и взяла его. Вот оно, орудие убийства. Затем, спохватившись, тщательно вытерла рукоятку занавеской. Отпечатки пальцев, как она могла забыть об этом! Но вряд ли она уничтожила отпечатки убийцы, тот наверняка был в перчатках, а вот свои собственные оставила.

Внезапно Светлана ощутила страх. А что, если он вернется? Он – так она именовала убийцу. А что, если он все еще здесь, где-то в квартире, она застала его врасплох, и он притаился в стенном шкафу или в кладовке? Светлана – опасный свидетель, а значит, он может поступить с ней так же, как с бедной Лизой.

Ухтоминой уже несколько раз приходилось видеть трупы, такова специфика ее профессии, однако мертвое тело Лизы вызвало у нее волну жалости и недоумения. Кому понадобилось убивать Никитину и за что? Неужели кто-то боялся, что она сообщит важную информацию? Но что такого могла знать Лиза о Стаховском?

В любом случае это навсегда осталось тайной. Светлана вышла из ванной и плотно закрыла за собой дверь. Кошка крутилась неподалеку, мурлыкая и сверкая глазами.

– Твоя хозяйка умерла, – сказала ей Светлана, киса фыркнула и исчезла. Ухтомина посмотрела на часы – она пробыла в квартире Лизы всего десять минут, а ей кажется, что прошел, как минимум, час. Никитиной уже не поможешь, нужно вызвать милицию. Но каким образом она объяснит свое присутствие в квартире убитой? Скажет, что договорилась с Никитиной о встрече, а когда приехала, то обнаружила хозяйку зарезанной в ванне?

Нет, ей могут не поверить, в любом случае по столице разнесется слух о том, что Светлана Ухтомина, популярная журналистка, замешана в непонятную историю с убийством. Ей этого не нужно.

Лизе все равно уже ничем не поможешь. Она стала очередной жертвой хитрого убийцы, и Светлана уверена, что в ее гибели виноват тот же самый человек, который подложил бомбу в самолет Стаховского или отдал такой приказ.

Ухтомина решила быстро ознакомиться с содержимым письменного стола Лизы. Конечно, неприлично копаться в вещах убитой, но что поделать, ведь это может помочь найти ее убийцу. Итак, сначала Владимир, а потом – всего десять дней спустя – Лиза. Кто-то продолжает собирать кровавую дань.

В столе не оказалось ровным счетом ничего интересного. Светлана надела свои кожаные перчатки, чтобы не оставлять отпечатков пальцев. Вот будет сцена, если сейчас ее кто-то обнаружит. Она перебирает бумаги, а в ванне лежит мертвая Никитина. Потом не докажешь, что не имеешь к убийству отношения.

Старые письма, счета, записки, фотографии. Целый альбом фотографий Лизы и Стаховского. Судя по всему, их роману уже несколько лет. Записные книжки, старые билеты, просроченные членские книжки различных спортивных обществ.

Светлана залезла в компьютер. Надо же, там была отдельная папка, озаглавленная «Документы Владимира», а в ней – несколько статей, набросок речи, пара рассказов криминального жанра. Значит, Стаховский частенько навещал Лизу и оставался у нее надолго.

Время летело чрезвычайно быстро, Ухтомина спохватилась около полуночи. Нужно уходить, оставаться в квартире опасно. Она вытерла ручки двери ванной, чтобы уничтожить свои отпечатки пальцев. Светлана всегда помнила об этом, недаром же ее отец был подполковником милиции. Однако он и представить не мог, что его дочь воспользуется его советами, чтобы сбить со следа правоохранительные органы. Но ведь милиции незачем знать о расследовании, которое она ведет.

Светлана вышла из квартиры ровно в полночь. До этого она колебалась, раздумывая над тем, стоит информировать милицию или нет. Затем решила все-таки позвонить. Не самый умный шаг, но она не может оставить лежать Лизу в ванне с подвернутой рукой и открытыми глазами. Девушка этого не заслужила. Поэтому Ухтомина набрала известный с детства номер и шепотом произнесла:

– Произошло убийство. Прошу вас, выезжайте по адресу...

Игнорируя вопросы на другом конце провода, она положила трубку, погладила кошку и осторожно вышла из квартиры. Она решила спуститься по лестнице. На пятом этаже она столкнулась с компанией подростков. Светлана постаралась проскользнуть мимо них как можно более незаметно. Но те, казалось, не уделили ей ни малейшего внимания.

Оказавшись на морозе, Светлана бросилась к машине. Ее бил озноб. Как же все-таки страшно столкнуться лицом к лицу со смертью. Лиза, полная сил, энергии и унаследовавшая только что от Стаховского квартиру и весомую сумму денег, была убита.

Ухтомина размышляла об этом по дороге домой. Когда она вошла, Геннадий Петрович еще не спал. Он не одобрял ночные вылазки дочери, всегда беспокоился о том, что ей одной придется возвращаться поздно, и Светлана никогда не подшучивала над его страхами и нравовыми учениями. Когда-то, в подобный промозглый темный день, он потерял жену и теперь опасался, что и с его дочерью может произойти нечто подобное.

– Ну что, как дела? – спросил Геннадий Петрович, появляясь в проеме кухни. Он усталым жестом снял очки, в руках у него был журнал. Отец в последние годы сделался доморощенным политологом и тщательнейшим образом изучал всю прессу. Из-за бессонницы он делал это в основном ночью.

– Все хорошо, папа, – ответила Светлана, соорудив себе на скорую руку яичницу. Ей было любопытно, что бы сказал отец, сообщи она ему, что сорок минут назад обнаружила в чужой квартире тело убитой женщины, затем произвела там несанкционированный обыск, а под конец сделала анонимный звонок в милицию. Вряд ли он одобрил бы такое поведение.

– Давай лучше я по-быстрому разогрею тебе ужин, ты ведь уехала, так и не покушав, – предложил Геннадий Петрович.

– Спасибо, папочка, – улыбнулась Светлана.

Отец видит в ней, как и много лет назад, маленькую девочку, но она не собирается разрушать его иллюзии. Она знала, что он чрезвычайно к ней привязан. Вероятно, потому, что дочь была ему ближе, чем сыновья, и напоминала покойную жену.

– Над чем сейчас работаешь? – спросил Геннадий Петрович, присаживаясь на табуретку. – Что-нибудь захватывающе, Света? А как обстоят у вас дела в еженедельнике после гибели Стаховского. Он же был твоим боссом, владел холдингом, в который входит и твоя редакция. Не грядет ли сокращение или реформы?

– Меня уволить не должны, – уверенно заявила Светлана. – Я же «золотое перо» и «гордость российской прессы». Так, кажется, окрестил меня министр печати, когда вручал очередную награду. А работаю я... над статьей, посвященной Константину Деканозову. Тебе знакомо это имя?

– В мои времена таких сажали в тюрьму за мошенничество, и правильно делали, – вздохнул Геннадий Петрович. – А сейчас они зарабатывают миллионы, именуют себя красивым словом «бизнесмен», избираются в парламент или в губернаторы. Деканозов жулик, его лекарства дорогие и плохого качества.

– Но при этом он фактически монополист на российском рынке, – сказала Светлана. Она знала, что отец придерживался во многом старых взглядов. Нет, Геннадий Петрович не был убежденным коммунистом, но и изменения в стране принимал с опаской и недоверием.

– Но и твой босс, которого взорвали в самолете, был ничуть не лучше, – заявил Геннадий Петрович. – Я уверен, что он манипулировал общественным сознанием. А еще именовал себя журналистом! Он служил таким, как Деканозов!

Светлана не пыталась ему противоречить. Она любила отца, несмотря на его воззрения и политические пристрастия. Любимой темой Геннадия Петровича были жулики в правительстве и алчные негодяи на телевидении. При этом он гордился Светланой и заявлял, что она, пожалуй, одна из немногих, кому он верит.

Ухтомина отправилась к компьютеру. Нужно закончить статью, внести некоторые коррективы и полностью переделать абзац о связях Деканозова с бывшим премьер-министром. Она не хотела, чтобы на нее подали в суд за клевету, поэтому придется отказаться от столь увлекательного рассказа о финансовых махинациях в концерне «Парацельс», пока у нее на руках не окажутся документы, подтверждающие это.

Прошло несколько дней со дня смерти Лизы. Светлана работала в редакции, в спешном порядке набрасывая небольшой очерк о положении в фармацевтической индустрии, когда раздался звонок мобильного.

– Ухтомина слушает, – произнесла она, не отрываясь от дисплея.

Мужской голос произнес:

– Светлана? Меня зовут Павел Резниченко, я работаю в «Столичном курьере». Мы с вами уже несколько раз сталкивались. Я знаю, что вы активно интересуетесь моей персоной. Не будет ли с моей стороны наглостью предложить вам встретиться. Я думаю, нам есть о чем поговорить.

Ухтомина навела кое-какие справки по своим каналам. Резниченко работал в «Столичном курьере» почти три года, отвечал за скандалы в благородных семействах, то есть разнюхивал и подавал публике в удобоваримом виде сплетни о столичном бомонде и финансовой аристократии. Павла характеризовали как беспринципного, не очень одаренного, но в целом приятного, компанейского малого, который вполне справляется со своей работой.

Звонок Резниченко совсем не удивил Светлану. Более того, она ждала его. Она сделала так, чтобы Павел узнал о проявляемом ею к нему интересе.

Светлана внимательно отслеживала сообщения криминального характера. Об убийстве Елизаветы Никитиной сообщили несколько газет, и все потому, что она была любовницей Владимира Стаховского. Шила в мешке не утаить, о скандальных пунктах завещания журналиста знали многие. Тот же «Столичный курьер» напечатал на прошлой неделе заметку о злом роке, который преследует Стаховского и его близких. Осторожно намекалось, что следующей жертвой вполне может стать Кристина.

– Я занята, – ответила Светлана. – И думаю, что нам не о чем говорить.

Повисла неловкая пауза, Резниченко явно рассчитывал на другую реакцию. Поэтому извиняющимся тоном сказал:

– Светлана Геннадьевна, прошу прощения, вероятно, мне не стоило звонить вам на мобильный, но у меня не было другой возможности связаться с вами. Вы же занимаетесь расследованием причин гибели Владимира Стаховского...

Светлана не была удивлена. Несмотря на то, что она никому не сообщала о поручении Кристины, слухи о том, что вдова Стаховского и популярная журналистка Светлана Ухтомина ведут расследование причин катастрофы самолета, подобно кругам на воде, распространились по журналистскому сообществу.

– Откуда вам это известно? – спросила Светлана.

Резниченко, усмехнувшись, ответил:

– Не могу выдавать вам мои источники, вы же сама журналистка, поймите меня. А если честно, Светлана Геннадьевна, у меня есть сведения, которые вас заинтересуют, да и вы обладаете кое-какой важной для меня информацией. Почему бы нам за чашкой кофе не обменяться известными фактами. Если вас устроит, сегодня...

– Сегодня на это у меня нет времени, – перебила его Светлана. Затем, зашуршав страницами детектива, который лежал недочитанным у нее на столе уже второй год, она произнесла: – Хотя, судя по моему ежедневнику, между тремя и четырьмя часам у меня будет для вас время.

– Отлично! – воскликнул Резниченко. – Вы сейчас в редакции? Тогда в районе пятнадцати ноль-ноль я заеду за вами.

– И учтите, я пью кофе только со сливками, – произнесла Светлана и повесила трубку. С такими личностями, как Павел Резниченко, она уже много раз имела дело. Если их сразу не поставить на место, то они быстро завладеют ситуацией. А Светлана не хотела давать ему преимущество.

Как и обещал, Резниченко заехал за ней ровно в три часа дня. Он прибыл на той самой красной «Ладе», на которой преследовал когда-то Лизу. Он предложил Светлане уютное кафе, в котором, по его словам, подавали великолепные пирожные.

– Разрешите мне угостить вас, – сказал он, на что Ухтомина ответила:

– Каждый будет платить сам за себя. Мы же встречаемся, чтобы обменяться информацией, так к чему эти расшаркивания. Или в вас заговорил прирожденный джентльмен, Павел?

Резниченко, который вел автомобиль с прирожденной грацией пилота «Формулы-1», ответил:

– Узнаю вас, приму компьютерного слога, Светлана Геннадьевна. Недаром вас считают одной из лучших журналисток в стране. И, поверьте, я являюсь вашим поклонником и учеником.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.